

КАРТАВЦЕВ ВЛАДИСЛАВ • ТРОФИМОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА

ВЕРА ШТОЛЬЦ И ДЕПУТАТСКАЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

ВЕРА ШТОЛЬЦ,
КАК ВСЕГДА,
НА ПЕРЕПУТЬЕ

ЖЕНСКИЙ РОМАН-СЕРИАЛ

СЕРИЯ 11 - 12

Вера Штольц. Женский роман-сериал

Владислав Картавцев

**Вера Штольц и депутатская
неприкосновенность. Вера
Штольц. Как всегда, на перепутье**

«Accent Graphics communications»

2018

Картавцев В.

Вера Штольц и депутатская неприкосновенность. Вера Штольц.
Как всегда, на перепутье / В. Картавцев — «Accent Graphics
communications», 2018 — (Вера Штольц. Женский роман-сериал)

Жизнь у всех разная, как ни крути. Говорим это снова и снова. Кто-то страдает от переедания омаров, а кто-то — от невозможности сходить в захудалый театр по причине отсутствия денег (или не в театр, а в кино). У наших героев все хорошо. Почти хорошо. Можно сказать, нормально. Сносно. Так себе. Бывает лучше. Плохо. Очень плохо. Хуже и быть не может. И снова нормально, переходящее в превосходно. И в любом случае не скучно, а очень даже живенько. Советуем почитать.

© Картавцев В., 2018

© Accent Graphics
communications, 2018

Содержание

Вера Штольц и депутатская неприкосновенность	5
Глава первая. Гимн депутата	5
Глава вторая. Хорошее начало дня	11
Глава третья. Рабочий день как он есть	19
Глава четвертая. Неожиданное продолжение	27
Глава пятая. Неожиданное предложение	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Владислав Картавцев, Ольга Трофимова Вера Штольц и депутатская неприкосновенность. Вера Штольц. Как всегда, на перепутье

Вера Штольц и депутатская неприкосновенность

Глава первая. Гимн депутата

Вставай, депутат!
Страна зовет!
Снова – набат,
Снова – в поход!

Заседания,
Обсуждения,
Доп-питание,
Программы похудения.

А как же без этого,
Как без правильной диеты?
Как без ухода за собой?
Ведь здоровье – гарантия работы на убой!

Дерзай, народный избранник,
Твой путь – в сессионный зал, не в предбанник!
Твой путь – в кресло мягкое и уютное,
Не в цех чумазий, не на чумазую же кухню!

Твой удел –
Давить на кнопки,
Чтоб полетел
Крестьянин окрыленный!

Чтоб полетел
Рабочий крылатый,
Чтобы потел,
Считая нули в сумме зарплаты!

Чтобы перспектив было много
У трудового народа,
Чтобы в отпуск ходили люди,
Чтобы ели и пили, и кутили в Голливуде!

Помни, депутат,
О долге, о чести,
Депутат должен быть загруженности рад,
Отрабатывать процентов на двести!

Помни, депутат:
Ты – лицо государства!
Повесь над кроватью плакат:
«Служить – и никакого лукавства!»

Повесь плакат,
Напиши кровью:
«Работать рад,
За Родину – горою!»

Вера лежала на кровати с закрытыми глазами и пыталась сдержать смех, рвущийся наружу. Эти вирши вчера прислали ей по электронной почте – согласно рейтингу голосующих, они уверенно занимали первое место во «Всенародном голосовании на новую Песню-Гимн Государственной Думы Российской Федерации».

Автором вирш был один из известных писателей, который славился своим глумливым и глубоко циничным отношением к власти. Его поделку долго не хотели принимать к участию в конкурсе, но потом уступили, разумно предполагая, что уж подобное «творение» явно будет аутсайдером. Но вышло все наоборот.

– Фееричные дебилы эти наши чинуши! – Вера наконец-то почувствовала себя отдохнувшей (сегодня был очень напряженный день, и она часов десять безвылазно просидела в Комитете), встала и пошла на кухню – ставить чайник и делать бутерброды. Ну как бутерброды – парочку маленьких тостиков (почти без масла, но с джемом). – Они бы еще устроили конкурс на лучшее восхваление какой-нибудь олигархической дачи. Типа, пусть люди выскажутся, что они думают по поводу богатства искомых пациентов. Например, по поводу мистера Надомникова.

Вера полезла в холодильник и с горечью констатировала – домашнее хозяйство полностью в загоне. Некоторое время назад ей пришлось распрощаться с домохозяйкой – та ни с того ни с сего вдруг решила, что уже незаменима, и стала требовать к себе особого отношения. И не то чтобы Вера сильно протестовала, но сама постановка вопроса (как домохозяйка его поставила и каким тоном) была ей неприятна. Вот и пришлось снова перейти на автономное существование: «Что купила, то и съела, помыла пол – сидишь с чистым полом, не помыла – с грязным».

– Может быть, снова кого-нибудь взять? Чтобы совсем квартира не превратилась в свинарник? – Вера рассеянно обвела взглядом кухню: следы запустения были повсюду. Здесь и пыль в углах, здесь и не политые толком цветы (один даже, вроде, пытается засохнуть), здесь и ощущение какого-то запустения – как будто в доме никто не живет.

– Или повременить пока? – Вера глубоко вздохнула. – С домработницей хорошо, а без нее – еще лучше. Вот только за Опричником кому-то нужно постоянно следить – чтобы не гадил, где попало.

– Мур! – Опричник, словно подслушав мысли Веры, высунул морду из коридора и тут же побежал к кормушке – вдруг уже насыпали очередную порцию корма? – Мур-мур-мур-мур...

– Все-то у тебя один ответ на любой сложный вопрос. – Вера, не нагибаясь, погладила кота ногой. – Ты бы хоть читать научился и по-человечески разговаривать – чтобы вести беседу

на сложные темы. А то все – мур да мур. А вот что бы ты сказал, если бы тебе подсунили вот такое: «Проект закона Российской Федерации о нормативных правовых актах в редакции от 20 января 2017 года»? Небось, сразу убежал бы в кусты – чесаться и точить когти?

– Да, блин! – Вера налила кипятка в кружку и бросила туда чайный пакетик. – От одних формулировок голова сразу идет кругом – и вот ведь судьба: горбатить в Комитете по государственному строительству и законодательству. Будь моя воля, я бы лучше выбрала Комитет по киноиндустрии и телесериалам – но такого, к сожалению, в нашем учреждении не предусмотрено. А ты, котяра, какой бы Комитет предпочел? Комитет по корму и пушистым кошечкам?

Вера улыбнулась и представила себе заседание искомого Комитета:

– *Всем встать!* – жирный наглый котяра, сильно похожий на Опричника, вытягивает вперед лапу и яростно мяукает в зал. По его сигналу десять кошечек и девять прижнувшихся к ним котов (разнородного окраса и разнородной же родословной, некоторые – так и вовсе «помоечные») вскакивают на задние лапы и прижимают правую переднюю лапу к тому месту, где, по идее, у кошачьих находится сердце. – *Всем принять коллективную присягу на предмет: «Служить делу кошачьих честно, открыто, умело, с душой!»*

– *Принимаем!* – коты и кошечки дружно режут в ответ, и рев некоторых напоминает рев львов где-нибудь в африканских джунглях, раззадоренных охотой на антилоп-гну. – *Принимаем и обещаем!*

– *Ну, вот и славно.* – Кот-председатель-Опричник дает отмашку, и все присутствующие пушистые и не очень животные плюхаются в мягкие кресла и хватаются за ручки и карандаши. – *Вопрос номер один: дороговизна кошачьего корма в сетевых магазинах и дороговизна же кошачьих шампуней там же. Вопрос номер два: низкий социальный статус кошачьих в человеческом обществе. Причины низкого социального статуса. Пути выхода из кризиса – конкретно, что нужно сделать. Вопрос номер три: противодействие засилью собак. Почему, по каким причинам эти твари настолько оборзели, что зачастую вытесняют нас из человеческих семей? Кто против повестки, кто за?*

– *Все за.* – Спустя тридцать секунд констатирует кот-председатель-Опричник и удовлетворенно кивает усапой мордой. – *Радует, радует то, что нет ни одного «Против», что свидетельствует о возникшем среди нас консенсусе – моральном, идеологическом и ценностном. А при нашей работе консенсус очень важен. Я бы даже сказал, необходим.*

– *Можно?* – миловидная кошечка с черепаховым окрасом робко тянет лапку вверх. – *Можно вопрос?*

– *Конечно.* – Опричник-председатель-кот поощрительно скалит зубы. Подвигать кошечек на вопросы и даже более осмысленные действия (и даже более смелые) по отношению к собственной персоне – его прямая профессиональная обязанность. – *И даже два – но только по делу, по делу.*

– *Может быть, начнем со щенков, а не сразу с взрослых собак? Ведь за ними – реальная мощь?*

– *Тьфу ты!* – кот-председатель-Опричник разочарованно фыркает, и немедленно все флюиды возникшей-было приязни по отношению к черепаховой кошечке куда-то исчезают. – *Своей властью председателя Комитета отклоняю предложение – как Вас там?*

– *Глаша!* – черепаховая кошечка дергает носом, обида явственно проступает на ее мордочке.

– *Так вот, Глаша.* – Опричник-кот-председатель немного снижает накал пафоса в собственном рыке. – *На первый раз я Вас, Глаша, прощаю, но на будущее предупреждаю: при мне нечего петь дифирамбы в сторону собак. Они, по определению, тупы, глупы и бесперспективны. Они – просто злобное мясо, которое не имеет никакого отношения к прогрессу, а посему должны быть исключены из дискурса об их собственной судьбе. Надеюсь, два раза повторять не нужно?*

– Нет. – Уныло, но соглашательски кивают присутствующие. – Есть общее мнение: перейти к обсуждению по существу.

– Да. – Кот-председатель-Опричник решительно рубит лапой воздух. – Начнем, пожалуйста...

– Чувствую, председатель из тебя получился бы настоящий зверь. – Вера взяла Опричника на руки, и тот мгновенно попытался ее оцарапать. Но, правда, не сильно, а так – играючи. – И кочешки, и коты каменели бы от одного твоего испепеляющего взгляда.

Истошно зазвонил телефон. От неожиданности Опричник дернулся и таки достал Веру когтями, пробороздив кожу.

– Тьфу на тебя! – Вера в сердцах бросила Опричника на пол и притопнула на него ногой. – Убирайся с глаз моих, скотина неблагодарная! Вот отлучу тебя от кошачьих консервов, будешь знать, как когти на хозяйку точить.

– Алло! – Вера взяла трубку, весьма раздраженная. Она не сомневалась – звонят по работе (девчонки-референты из Комитета) и снова начнут грузить ее скучными и необязательными подробностями. Но это оказалась Ирка, и звонила она почему-то не на мобильный, а на домашний.

– Привет. У меня такие новости, такие новости. – Сходу затараторила Ирка. – Ты сейчас обалдеешь от того, какие у меня новости.

– Ну, давай выкладывай. – Вера поудобнее перехватила трубку, одновременно слушая болтовню Ирки и пытаясь соорудить парочку бутербродов – повкуснее.

– Ага. – Ирка явно испытала прилив вдохновения. – Первое. Мой МЧ берет меня на Мальдивы. Прикинь!

– Какой МЧ? – Вера на всякий случай решила уточнить. – Новый или старый?

– Фи! – тут же возмутилась Ирка. – Конечно, новый. Вернее, современный. А еще вернее, продвинутый. Ты, кстати, не забыла, что его зовут Иван, и он перманентно мечтает с тобой познакомиться? Так мечтает, что мне уже все уши прожужжал, и я реально ревную.

– Ты ревнуешь? – Вера громко фыркнула. – С каких это пор? Ты ведь всегда мужиками пользовалась, как портянками, и нисколько не ревновала. И действительно, для чего их ревновать – выдоила, как положено, да и бросила. И все дела.

– Ну, примерное так, конечно. – Ирка не стала отнекиваться. – Но ты же знаешь – ничто человеческое мне не чуждо. И нет-нет, да и возникает внутри зацеп, похожий на ревность. И знаешь? – Ирка внезапно перешла на таинственный шепот. – Иногда мне даже хочется с тем или иным МЧ создать крепкую семью и даже родить. Вот только я пока что не определилась с кандидатурой. Кстати, ты-то как? Пока рожать не надумала? Имхо, самое время. Хата есть, бабки есть, карьера – на загляденье, и обеспеченное будущее. И молодая.

– Ну-ну, не завидуй. – Вера с размаху рубанула ножом по французскому батону, мимо-летно пожалев, что, как воспитанная, отрезала, а не отломала хлеб. – Я же не виновата, что тогда в Питере вы напились до чертиков, а я пошла одна гулять по городу. Ты бы легко могла оказаться на моем месте, и мистер Надомников обратил бы внимание на тебя...

Ночной клуб находился в здании особняка девятнадцатого века и весь светился пафосом и гламуром. Внутри – шикарно: огромные кожаные диваны, столы из красного дерева, феерически оформленный танцпол и диджей заморского вида, что-то отжигаящий на своем виниле. Из динамиков грохотал хаус, и вокруг было полно народа.

Как оказалось, для девчонок заказан отдельный столик – и по загадочному виду Ирки было понятно, что это ее рук дело. Ирка вообще чувствовала себя в клубе, как рыба в воде. Она была здесь почти всегда, и когда приезжала в Питер всегда находила время потусоваться в «Золушке».

Официанты двигались неторопливо, и народ в основном предпочитал делать заказы у барной стойки. Девчонки взяли спиртное и отправились за столик. Ирка всем коктейлям предпочитала «Отвертку» с апельсиновым соком, Лена – стандартный «Секс на пляже», а Вера решила просто выпить бокал хорошего вина. Она бы еще чего-нибудь съела, но, посмотрев на цены, решила голодать столько, сколько нужно, но ни за что не покупать здесь еду за такие сумасшедшие деньги.

Началась развлекательная программа – как оказалось, субботнее шоу местных транс-веститов с выбором лучшей «Мисс недели». Пока Ирка и Лена увлеченно обсуждали «мадамок на сцене», Вера затосковала:

«Интересно, где они собрались искать здесь нормальных мужиков? – думала она. – Судя по шоу, здесь и просто мужиков найти нелегко, а с деньгами и чтоб любил – так просто невозможно. Ау, мужчины, вы где? А нет их, и не будет».

В середине шоу, когда выступающие на сцене «мадамки» окончательно вошли в раж, а публика подбадривала их громкими криками, Вере вдруг стало нехорошо, и она, подхватив сумочку, поплелась в дамскую комнату.

Поплутав какое-то время, она наконец обнаружила заветную дверь, перед которой стояло нечто, внешне похожее на размалеванного мужика, и торговало какими-то таблетками подозрительного вида.

Дамская комната оказалась вполне на уровне, а главное – здесь было тихо и спокойно – так что Вера решила, что это и есть самое лучшее помещение во всем клубе. Вери слегка подташнивало, и внезапно ей нестерпимо захотелось бежать куда-нибудь – все равно, куда. Но нужен веский предлог...

Вернувшись к подружкам, Вера имела слегка зеленоватый вид. И ей даже не потребовалось громко и настойчиво объяснять, что срочно нужно на свежий воздух. Ирка и Лена так разгоряченно обсуждали шоу, что не обратили на Верины стенания никакого внимания, и она, постояв для вида рядом со столиком пару минут, двинулась к выходу. Вслед ей неслись восторженные выкрики поклонников и поклонниц нестандартных шоу, среди которых отчетливо выделялся могучий и задорный Иркин бас.

Когда же подружки поняли, что Вера ушла, первым их желанием было срочно вернуть сбежавшую невесту, но потом они все-таки решили отпустить ее на вольные хлеба, здраво рассудив, что им и самим олигархов мало.

Свежий воздух охладил разгоряченную Верину голову. Тошнота постепенно проходила и перед глазами перестали задорно плясать разодетые в перья трансвеститы. Стояла чудная ночь...

«Да, классно было! – Вера сильно зажмурила глаза (очень эффективный способ обеспечить прилив крови в голове – чтобы, соответственно, в искомой голове просветлело). – А Степа был таким обходительным и таким милашкой, и я бы никогда в жизни не сказала, что он олигарх. И сын олигарха».

По правде говоря, ни Вера, ни кто бы то еще в ту давешнюю волшебную ночь, не смог бы догадаться, что Степан Надомников – именно олигарх. У того была фишка: тусить по городу, мимикрируя «под народ». Типа, он простой студент, и типа он – просто гуляет по улицам, как все. Развлекается, как все, и живет точно такой же жизнью, что и все.

«Наверное, какое-то божество встало на мою сторону», – подведя черту под накатившими воспоминаниями, Веры вынырнула из мысленного диалога наружу – и как раз вовремя. Вовремя, чтобы ответить на очередную сентенцию Ирки, которая искренне сетовала, что именно Вера, а не она «отхватила» Надомникова.

– Пить надо меньше. – Вера фыркнула в трубку. – А то всё счастье в личной жизни пропьешь. Но лучше расскажи о предстоящей поездке. Когда намыливаетесь?..

* * *

– Вот, Вера! – наконец-то Ирка поделилась всеми свежими новостями и отключилась, а Вера снова осталась наедине с самой собой. – И кто, спрашивается, подцепил перспективного олигарха? Ты или она? Ты паришься в Думе, в каком-то непонятном мутном Комитете, а Ирка, понимаешь, по Мальдивам рассекает и в ус не дует! Ну, или не дует в свисток – поскольку усов у нее нет. А я вот только один-единственный раз была на отдыхе в жарких странах – да и то, закончилось всё историей с пиратами. И слава богу еще, что закончилось нормально.

Вера дернула плечами. Похоже, сегодня был вечер воспоминаний – и странное дело, все они были так или иначе связаны со Степаном. Который прозябал (или проживал) в Штатах и – после истории с его отсидкой – возвращаться обратно в Россию не собирался.

У Веры резко испортилось настроение.

Так иногда бывает – вроде, все отлично, карьера, перспективы и материальное состояние – всё прет в гору, и масса людей тебе завидуют (такая масса, что даже взглядом охватить тяжело). И все считают, что у тебя жизнь настолько шоколадная, завидная и беззаботная, что ни в сказке сказать, ни пером описать. А ты сидишь, тупо смотришь вниз через окно, и муть в голове – почти тоска и печаль. И благо, кот рядом – он хоть и подлец конченный, одиноличник и эгоист, зато пушистый, красивый, голубых кровей и с желтыми наглыми глазами.

– Наверное, нужно ложиться спать. – Вера решительно двинулась в ванную комнату. – Утро, как известно, вечера мудренее, завтра будет день, а днем, кроме плохого, случается и хорошее. И надеюсь, завтра со мной именно хорошее и произойдет.

Глава вторая. Хорошее начало дня

«На углу улиц Тверской и Охотного Ряда стоит огромное величественное здание Государственной Думы Российской Федерации. Именно оно на долгие годы вперед определило тип правительственного здания Советского Союза.

Его фасады строго симметричны по логичности и конструктивной точности, что дает возможность говорить о чертах стиля «конструктивизм». Но монументальность и грандиозность постройки отсылают к следующему периоду советской архитектуры – советскому классицизму или, как его иногда называют, «сталинскому ампиру». Здание находится как будто посередине, обозначая грань перехода одного стиля в другой. В этом и состоит его главная особенность.

Дом, в котором сейчас располагается Нижняя Палата Парламента, был построен на месте знаменитой церкви Параскевы-Пятницы в Охотном ряду. Эта святая была покровительницей торговли и торговых людей, поэтому не удивительно, что рядом с самым известным московским рынком (Охотным рядом) появился именно такой храм.

В 1928 году церковь разрушили, а в 1930-е годы по проекту архитектора А.Я. Лангмана было возведено здание Совета Труда и Оборона – органа по руководству хозяйственным строительством и обороной СССР. Потом поочередно здесь располагались Совет Министров СССР и Государственный плановый комитет, занимавшийся планированием развития народного хозяйства.

Здесь впервые применили железобетонные столбы с жесткой арматурой, облицованные кирпичом....

По некоторым данным, здание было заминировано в 1941 году, во время Великой Отечественной Войны, и разминировано только сорок лет спустя – в 1980-х годах. По счастливой случайности, строители обнаружили неприметные провода, «идущие в никуда»...

В 1990-х годах интерьеры подверглись плановой реконструкции, после которой в здании расположилась Государственная Дума Российской Федерации. На протяжении всей биографии внутри этого грандиозного «исполина» в начале Тверской улицы находились (и находятся и по сей день) крупные чиновники Советского Союза и современной России.

Особенно выделяется здание из окружения соседних домов. Оно выполняет важную градостроительную функцию: формирует линии застройки двух улиц и украшает угол квартала. Центральный корпус тянется на сто шестьдесят метров...

Стоит поднять голову как можно выше, чтобы рассмотреть главное украшение – аттик с гербом СССР. Другая важная деталь – наоборот, внизу. Это трехэтажный портал, облицованный темным камнем. Во всю высоту дом декорирован пилястрами. Симметрия композиции подчеркнута мощными вертикальными пилонами, несущими архитрав с аттиковым этажом в центре. Монументальность и строгость форм создали выразительный образ правительственного здания...»

* * *

Вера проснулась ни свет, ни заря, пытаясь сообразить – сколько времени? Часы на тумбочке показывали половину шестого – такая рань, а сна – ни в одном глазу. Провалившись минут десять, она решила: коли уж так, нужно встать и приехать на работу спокойно – без пробок. Пробки – бич божий и достают не только простых обывателей, но и целых депутатов Думы, которые вынуждены кататься по Москве без мигалок.

Через час прибыла заказанная машина – за Верой была закреплена служебная думская черная «Тойота Камри», что по сравнению с крутой белой «БМВ» седьмой модели смотрелась,

как запорожец из 70-х годов. 1970-х годов. А «БМВ», конечно, пришлось вернуть Высоковскому. Но не потому, что Демьян так требовал, а для того, чтобы не сильно светиться.

– Всё, Вера. – Как только выяснилось, что Вера выиграла выборы (что очень странно, и сама Вера до сих пор – а ведь прошло уже полгода – не могла поверить в эту новую реальность), Высоковский зазвал ее на разговор и обозначил «реперные точки». – Всё, Вера. Твоя паблисити закончилась. Политика (реальная политика и огромные деньги, которые за ней стоят) требуют тишины. Эпатаж и киношные страсти остались в прошлом, сейчас твоя задача – уйти в тень и выстроить иерархию контактов. И запомни, Дума – это твой шанс, по сравнению с которым даже телевизор – это ничто. Я уже дал команду своим советникам подготовить для тебя некую папку – и к моменту начала работы ты должна ее досконально изучить.

– А что в папке? – Вера чувствовала себя совершенно не в своей тарелке и не понимала, как относиться к происходящему.

– В папке – люди. Кто такие, как зовут, чем владеют, чем управляют. Градация по категориям влияния – кто на вершине, кто в районе канализации. Про канализацию, конечно, говорю фигурально – в Думе таких нет (разве что совсем уж выскочки, коим сильно повезло). Но эти – чистый проходняк, эти продержатся максимум одну каденцию, а я хочу, чтобы ты в политике находилась долго и счастливо. Но для этого придется постараться – и не меньше, чем в свое время у меня в проектах. Обещай: будешь стараться?

– Обещаю. – Серьезно кивнула Вера. – Но заранее прошу прощения, если получится не всё.

– Всё – понятие относительное. – Хмыкнул Высоковский. – Всё – это такой абсолютизм, и я – при всем умище – даже и не знаю, как его обозначить. В политике – как и везде – нужно двигаться step by step. И я прямо сейчас расскажу тебе, как это делать. Первое – изучай папку. Второе – выбирай людей, которые, на твой взгляд, интересны. Третье – обсуждаем эти кандидатуры и даем добро. Или же назначаем других – для установления плотных знакомств. Четвертое – ты знакомишься, сходишься поближе. Пятое – берешь их к себе в друзья. Шестое – начинаем пожирать плоды.

– Прямо план военных действий. – Вера громко рассмеялась. – Наверное, наши встречи уже можно переименовать во Встречи начальников Штабов. По примеру США.

– Именно. – Высоковский принялся яростно разминать шею. – Болит, проклятая! Особенно осенью, и особенно – в сырую погоду. Уже и мануалов привлекал, и целителей – никто толком не помог. У тебя, кстати, нет правильного знакомого целителя? Чтоб с гарантией?

– Нет. – Вера почувствовала, как ее настроение ползет вверх. – А зачем Вам, Демьян Лукич, колдун? Ведь целители – это те же самые колдуны.

– Ну, не скажи, не скажи. И вообще – нельзя недооценивать целителей и колдунов, некоторые из них – очень даже крутые. Поживешь с мое, начнешь относиться к этим ребятам серьезно. Но мы отвлеклись. Политика – вещь донельзя рациональная, и воспринимать ее нужно рационально. И даже – я бы сказал – математически. Просчитать предпочтительные направления движения и двигаться именно туда. Твои силы не беспредельны, на многое тебя (как отдельной думской человеческой единицы) не хватит. Так что и работать мы должны рационально и максимально эффективно. Поэтому...

Высоковский громко задышал, а потом резко выскочил за дверь и потребовал налить себе и Вере кофе:

– Почему никто не заботится о шефе? Почему никто не беспокоится о том, что у шефа пересохло в горле, и ему срочно требуется изрядная доза кофеина? Совсем разучились работать, лентяи!

– Да, поэтому. – Высоковский, заполучив вожделенную кружечку кофе и передав другую Вере, заметно оживился и подобрел. И даже стал говорить немного медленнее. – Поэтому, как я уже сказал, определяем кандидатуры, собираем информацию, составляем психологический

портрет и начинаем искомые кандидатуры окучивать – как огурцы на грядке. Используя твои персональные способности и наши многочисленные возможности – коим, как известно, несть числа.

– Значит, мне придется им улыбаться и даже, возможно, ходить с ними по ресторанам? – Вера с удовольствием приняла кофе у Высоковского и сделала глоток. Кофе получился отменным – у Демьяна в офисе стояла навороченная кофемашина, и продукт она выдавала высочайшего качества.

– Ты права, права. И не только улыбаться, а искренне улыбаться. И ходить по ресторанам не только в перерывах на обед, но и по вечерам. И, кстати, чтобы ты заранее ничего такого не предполагала, уточню: об интиме и прочей тому подобной мути речь, конечно, не идет. Для серьезных думских обитателей такие развлечения не нужны. Во-первых, они уже пожилые и пожухлые, во-вторых, всего боятся и на всё оглядываются, в-третьих, секс и т. д. не входят в их жизненные прерогативы. Их интересует только власть, только количество голосов на выборах – ну и бабки, само собой.

– Спасибо, утешили. – Вера улыбнулась. – Представить себя в одной постели с каким-нибудь престарелым эсером я вряд ли могу. А с каким-нибудь ЛДПР-овцем – так тем более.

– Ладно, ладно. – Высоковский махнул рукой. – Проехали. В процессе знакомства нам очень пригодятся твои артистические навыки, и ты сама не должна забывать, что ты – актриса. Помнишь основные тезисы? Улыбаться, делать наивные глаза, поддакивать, заглядывать в рот. Для влиятельных думских старцев этого вполне достаточно, чтобы быть рядом. И чтобы они считали тебя приятной во всех отношениях дамой. И главное – не пытайся играть в мужские игры на мужском поле. Помни: ты – женщина и должна использовать женское оружие. В общем – не теряйся и постоянно держи меня в курсе. Пока мы едины, мы непобедимы. Кстати, что у тебя со Степаном?

– Да, ничего. – Вера пожала плечами. – После того, как он вышел из тюрьмы, я его и не видела. Укатил в свою Америку и с тех пор не пишет. Наверное, я должна обидеться, но я почему-то не хочу.

– Правильно. Обижаться вообще бессмысленно, окунаться в печаль – бессмысленно. И строить планы на будущее с тем, кто такого будущего не хочет, тоже бессмысленно. Ты мой намек поняла?

– А это только намек или конкретная информация? – Вера несколько секунд ошарашено молчала (она не ожидала такого поворота). – Т. е. мне уже можно чувствовать себя свободной?

– Ну, я тебе этого не говорил – только лишь намекал. И свобода – это понятие довольно относительное. Полностью свободных людей не бывает – все мы от чего-то или от кого-нибудь зависим. И даже падишах, даже наш уважаемый президент зависят от огромного количества людей – что уж говорить об обычных смертных. В любом случае, что было, то прошло, а что будет – неизвестно. И на мой взгляд, глупо попусту тратить время и ожидать чего-то. Молодость-то уходит, а варианты есть всякие. И, кстати, ты прости меня, если я лезу не в свое дело. Я просто думаю, что один хороший совет лишним не будет.

– Да что Вы, Демьян Лукич! – Вера жарко запротестовала. – Наоборот, я Вам очень благодарна. За всё!..

* * *

«Тойота Камри» еле-еле ковыляла по переполненной машинами Москве, а Вера скучала на заднем сиденье. Скучала не потому, что нечего было делать, а потому что пыталась собраться с мыслями перед предстоящим заседанием Комитета. Ведь как известно, собираться с мыслями примерное равносильно ничегонеделанию.

«Ненавижу эту юридическую казуистику!», – в очередной раз констатировала Вера, а заодно и позавидовала Председателю Госдумы и его замам, которые по статуту имеют право передвигаться по Москве с мигалками. Простые депутаты такого счастья лишены – и вот результат: до основного часа пик еще далеко, а машина плетется с черепашьей скоростью.

«И еще ненавижу необходимость делать умное лицо и такой же умный вид в целом – дескать, я реально понимаю, о чем идет речь!», – Вера негромко вздохнула, таки нашла в себе силы открыть сумочку и достать толстенький конспект лекций. Конспект был специально заказан ею у знакомого доктора юридических наук и назывался: «Основы юриспруденции, основные термины, понятия, практика применения, приложение к различным юридическим ситуациями».

Императивные нормы – нормы правового регулирования, имеют сугубо строгий, властный, категоричный характер, не допускающий отклонений в регулируемом поведении (как правило, нормы административного права).

Институции – название элементарных учебников римских юристов, дающих систематизирующий обзор действующего права; наиболее древние – Институции юриста II века Гая.

Норма права – общеобязательное формально определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников.

Правоспособность – признанная государством способность физических и юридических лиц иметь права и нести обязанности, предусмотренные и допускаемые законом.

Преюдициальность – обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу»... – примерное вот такими записями был напичкан конспект, и Вера уже несколько недель добросовестно его штудировала.

На квартире у нее уже скопилось несколько десятков специализированных книг по юриспруденции, и Вера надеялась (по-настоящему надеялась), что постепенное их изучение даст положительные результаты. Типа переход количества в качество – и всё такое. Вера даже несколько раз посетила «Специальные юридические коллоквиумы повышения квалификации» и даже (о, ужас!) серьезно подумывала – а не пойти ли получить второе высшее образование. Естественно, юридическое. Но пока решение не созрело.

Вера, конечно, понимала, что в Комитете она – если не посмешище, то белая ворона – так уж точно. Сломать подобное отношение было чрезвычайно тяжело, и Вера логично предполагала, что такое положение вещей сохранится до конца текущей каденции. Выхода было ровно два – отступить и смириться или принять вызов. Отступать Вера не привыкла, так что – вызов так вызов! Но только не форсировано и только в тесном взаимодействии с Демьяном...

Машина резко рванула вперед – наконец-то! До здания Государственной Думы оставалось всего лишь несколько минут езды, и Вера бросила ненавистную «юридическую муть» обратно в сумку и принялась наводить окончательный марафет на лицо – по крайней мере, никто не помешает ей выглядеть на все сто. Красота и живость – это ее всё.

– Ну и подумаешь, что тебя воспринимают как пустышку! – Вера скривила губки, пристально рассматривая себя в зеркальце. – Могут воспринимать как угодно – зато я точно знаю: конечный успех будет на моей стороне.

«Тойота» въехала на служебную стоянку и припарковалась согласно госномеру. Вдалеке от входа – фактически на отшибе, поскольку рядом с входом – места для боссов: лидеров партий, руководителей фракций и собственно Председателя Госдумы и его замов. Ну и еще – для руководителей Комитетов.

«Ничего, ничего. Я тоже когда-нибудь припаркуюсь с помпой. И почему я полгода назад не задумывалась о том, что здесь – такая конкуренция? Окружающий мир может дышать при-

вольно – ведь у него такого нет. А не задумывалась от отсутствия опыта и совершенного незнания предмета. А Демьян – хитрый старый лис – даже и намекал на то, что меня ждет. Наверное, чувствовал – будь я в курсе заранее, послала бы эту политику на три веселых буквы и занималась бы кино и телевидением».

Вера посмотрела на часы: до официального начала рабочего дня еще прорва времени.

– А ну его в баню, эту казенщину! – вдруг на Веру что-то накатило, и она решила потратить минуток так восемьдесят на себя любимую. А именно – пойти в какую-нибудь кафешку и выпить капучино. – В конце концов, имею я право на небольшие женские шалости? Тем более проснулась ни свет, ни заря и толком не завтракала. Проблема только в одном – а что-нибудь в такую рань работает?

«Проблема» оказалась совсем не проблемой – вокруг работало всё: начиная от обычных фастфуд-забегаловок и заканчивая крутейшими ресторанами в «Национале» и «Интуристе». Вера оглядела себя – в таком расфуфыренном виде идти в забегаловку – попусту рисковать, так что она сядет в «Национале». И рядом, и охрана на уровне. И капучино, наверняка, вкусный.

Вера быстро миновала здание Государственной Думы, перешла на другую сторону Тверской улицы (в подземном переходе было чисто: ни нищих, ни бомжей – всё-таки центр, почти Кремль, сосредоточение власти – опять же, куча иностранцев, и полиция блюдет закон, порядок и чистоту) и вошла внутрь отеля «Националь». Мимоходом сунув напыщенному швейцару в ливрее, который было преградил ей дорогу (наверное, решив, что Вера – дорогая валютная «ночная бабочка») удостоверение Депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Швейцар так и застыл с открытым ртом, но быстро взял себя в руки, и широкая подобострастная улыбка озарила его лицо.

– Милости просим, Ваше Превосходительство! – пискнул он тоненьким голоском, и Вера еле-еле смогла сдержатъ смех. Такого к себе обращения она совсем не ожидала – да и вряд ли могла ожидать. А здесь вон оно оказывается как. Не иначе, ей придется подать швейцару солидные чаевые, когда она закончит с кофе. За «Ваше Превосходительство» – не меньше тысячи.

«Думаю, им следует разработать градацию приветственных обращений – чтобы поставить дело взыскания чаевых на поток, – Вера вошла в помещение ресторана, высматривая свободный и подходящий столик, – например, приветствие на сто рублей: Добро пожаловать!

На двести: Добро пожаловать, мистер (мадам)! Мы рады приветствовать Вас в нашем старейшем заведении!

На триста: «Наш любимый клиент! Давненько, давненько Вас не было видно! А мы уже и соскучились!»

И так далее. Ну, а тысячу – Ваше Превосходительство! И наконец, на пять тысяч: «Владейте нами безвозмездно, Господин Президент!»

Вера выбрала столик в углу – рядом с огромным окном. Утренний вид на Кремль был превосходен, для туристов было еще рано – Вера улыбнулась: «Кажется, жизнь-то – не такая плохая штука, и особенно в моем случае. И особенно по сравнению с тем «счастьем», в котором я трепыхалась несколько лет назад»

К Вере подскочил подтянутый официант с широкой (почти лучезарной) улыбкой на лице. «И я тоже рассчитываю на щедрые чаевые», – весь вид официанта говорил именно об этом, и понятно – он ведь работает не абы в какой занюханной забегаловке, а в наикрутейшем заведении. Где, наверняка, останавливается либо рафинированный крутяк с женами и любовницами, либо губернаторы и сенаторы, либо засланцы многочисленных международных фондов (денежных и политических – либо и тех и других в одном юридическом лице).

Капучино в «Национале» стоил недешево – почти полторы тысячи рублей, и Вера про себя вдохнула: «Беспрельдно дорого». По сравнению с думскими расценками – ровно в два-

дцать раз дороже. Но ничего не поделаешь – коль зашла, плати! Жалость к бестолково потраченной пятерке (а именно во столько обойдется утреннее кофепитие) поднялась в ней тяжелой волной, и Вере пришлось приложить определенные усилия, чтобы остаться спокойной.

«Будет мне наука», – Вера сделала заказ и машинально (по привычке) вынула из сумки заветную папку с «юридической макулатурой». Не факт, что будет читать – просто на всякий случай. Вдруг вожжа под хвост попадет, и в Вере проснется энтузиазм – наподобие того, что приключился с ней в машине? Всё-таки сила воли у Веры присутствует, так что и такое возможно.

– Добрый день! – Вера не успела отследить, как к ее столику подошел молодой человек (лет тридцати), прилично одетый, не пьяный, чисто выбритый и пахнущий дорогим одеколоном. – Вернее, доброе утро. Можно к Вам подсесть?

– Извините, но нет. – Вера равнодушно оглядела МЧ с ног до головы. – У меня нет настроения сейчас с кем-либо общаться.

– Правда? – МЧ выглядел обескураженным. – Что ж. Не буду надоедать. Мой столик – неподалеку, и я бы, например, мог угостить Вас кофе. Вы какой предпочитаете? Капучино, латте, глясе? Или обычный тривиальный эспresso?

– А Вы настойчивый. – Вера еще раз внимательно оглядела МЧ. – Ладно уж. Садитесь рядом, если есть желание. Поболтаем. А вот угощать меня не нужно, я как-нибудь сама. Меня, кстати, Вера зовут. А Вас как?

– Иван. – МЧ просиял и быстро сел напротив Веры. – Можно сразу комплимент? Вы выглядите шикарно.

– Так уж и шикарно? – Вере, впрочем, было приятно. Комплимент хоть и дежурный, и весьма предсказуемый, но почему бы и нет? – Обычно такие слова говорят дамам по вечерам, а Вы, я смотрю, специализируетесь на утренних реверансах? Вы здесь остановились?

– Ну да. – Иван принял из рук подскочившего официанта меню и, не глядя в него, заказал горячий шоколадный круассан, два бокала свежавыжатого апельсинового сока и «тривиальный эспresso». – Я в Москве по делам бизнеса, мой бизнес предполагает встречи в центре, поэтому я и выбрал эту гостиницу. Комфорт, приличное обслуживание. Удобно.

– А чем Вы занимаетесь, если не секрет? – Вера слушала Ивана и пыталась понять: а не гонит ли он? В таких заведениях пруд пруди мошенников, которые мастерски вешают лапшу на уши и начинают обычно с рассказов, какие они крутые. – Наверное, металлом, золотом, алмазами и нефтью?

– Да нет. – Иван непринужденно рассмеялся. – Я занимаюсь высокими технологиями. У меня собственная фирма. Пишу специализированные программы и внедряю их. А нефть и алмазы? Хотелось бы, конечно, но не имею возможность пощупать руками такое счастье.

– Значит, Вы программист? Насколько я себе представляю, владеть компьютерной фирмой и не быть самому программистом невозможно? – Вера на секунду отвлеклась – официант принес кофе.

– О! – Иван внимательно посмотрел на Веру. – А в Вас чувствуются определенные профессиональные знания. Не многие так хорошо осведомлены о специфике нашей работы. Ваше предположение верно: я – программист высокой квалификации, занимаюсь этим всю жизнь, и мне очень нравится. Кстати, может, перейдем на «ты»?

– Наверное, пока не стоит. – Вера отрицательно качнула головой. – Видите ли, дело в том, уважаемый Иван, что мы не знакомы и вряд ли снова увидимся. Скоро я пойду на работу, а здесь я оказалась совершенно случайно. Так что давайте просто поболтаем, скоротаем минутку.

– Просто, так просто. – На лице Ивана мелькнула досада, но он быстро ее скрыл. – А Вы, Вера, чем занимаетесь? Случайно, не тем же самым, что и я?

– Увы, – Вера ткнула пальцем в папку, лежащую на столе. – Я, можно сказать, юрист.

– Круто. – Иван мельком взглянул на часы (часы у него были дорогими – Patek Philippe). – Ну и сколько у нас осталось времени до начала рабочего дня? И нет ли возможности сдвинуть это начало?

– Вам очень хочется? – Вера жестом подозвала официанта, застывшего неподалеку. – Принесите, пожалуйста, счет и включите туда Ваше вознаграждение. Я оплачу карточкой. Сдвинуть начало нет никакой возможности, – она вновь обратилась к Ивану. – Я работаю в государственной конторе, а там все жестко. Увы.

– Жаль. – Иван не скрывал разочарования. – Жаль, что так. Скажу честно, Вера, Вы мне очень понравились, и мне кажется, Ваше лицо мне знакомом. Поэтому я к Вам и подошел. Вот сейчас сижу и думаю: я мог Вас видеть раньше? Если мог, то где? Мы бы могли прояснить сие обстоятельство, если бы Вы никуда не торопились. И, кстати, деньги у меня есть, и приличное количество.

– Намек понятен. – Вера неторопливо упаковала «юридическую папку» в сумку, расплатилась и вынула из кошелька тысячную купюру – для ливрейного швейцара. – И я заранее поздравляю Вашу избранницу, Иван. Вы, судя по всему, мужчина надежный, положительный и интеллектуально-подкованный. С Вами ей будет хорошо, комфортно и интересно. А мне пора. Прошу прощения.

– А можно, Вера, я Вас все-таки чуть-чуть провожу? – Иван тоже поднялся. – Хотя бы пару сотен метров. Мы же в центре, здесь такое напряженное движение...

– И что? – Вера остановилась и посмотрела на Ивана. – Вы боитесь, что я не смогу перейти дорогу?

– Нет. Конечно, нет! – у Ивана заалели уши. – Я вовсе не хотел этого сказать. Просто, – он запнулся, – просто мне хочется Вас проводить. Хотя бы чуть-чуть.

– Ну, хорошо. – Вера решила сжалиться над молодым человеком. – Но сразу предупреждаю – мне идти совсем недалеко, так что не рассчитывайте на долгую прогулку. А Вы расплачиваться не собираетесь?

– Нет. У меня проживание по программе «Все включено» – чуть-чуть подороже, но зато очень удобно.

– Ладно. – Вера приняла от швейцара шубку (вернее, подождала, пока он накинет ее на Верины плечи) и протянула ему тысячу. Швейцар просиял и с поклоном принял купюру, а у Ивана от удивления глаза полезли на лоб:

– Вера, а Вы, оказывается, дама состоятельная, – выдохнул он громко (вероятно, не смог удержаться). – Боюсь, что мое бахвальство насчет собственного благосостояния было лишним.

– А оно разве было – бахвальство? – Вера двинулась к выходу, Иван за ней. – И кроме того, тысяча рублей чаевых совсем не говорит о состоятельности дающего. К тому же заведение обязывает. Пафос, крутизна – ничего не поделаешь.

Они вышли на улицу и направились к подземному переходу. Иван что-то болтал, но Вера почти не слушала. Она судорожно соображала, в какое административное здание нырнуть – чтобы оно сошло за ее место работы. Государственная Дума для этого не подходила – Вера не хотела выдавать свои секреты (даже понимая, что видит Ивана в первый и последний раз).

По счастью она вспомнила, что неподалеку – в Никитском переулке – находится здание Главного Управления МВД России по Московской области, а Вера уже несколько дней собиралась туда пойти – на randevu к генералу полиции (randevu организовал Высоковский). Формально у Веры был замечательный предлог. Чтобы все выглядело чин по чину: депутатский запрос на проведение расследования по поводу злоупотреблений в процессе распродажи охраняемых земель в природной зоне в районе Истры. И Вера (вместо того, чтобы перейти на другую сторону Тверской) пошла вдоль по улице – к Никитскому переулку.

– Отличная погода, отличное настроение, – тем временем разглагольствовал Иван, не замечая, что Вера почти его не слушает. – И кто бы мог подумать, что в самом начале весны вот-вот зацветет сирень.

– Интересно, где это Вы увидели сирень? – Вера (после того, как определилась с адресом, попутно решив, что имеет полное право задержаться и явиться в Думу позже), снова вернулась в реальность. – По-моему, очень даже холодно, и ни о какой сирени речи не идет еще месяца полтора.

– Ну, это я фигурально. Но настроение у меня – не знаю, как у Вас – действительно замечательное. Замечательное начало дня, я познакомился с Вами, Вера, и чувствую, сегодня – удача на моей стороне. А она мне понадобится. Сегодня у меня встреча с очень, очень серьезными людьми, и от нее очень многое зависит. Поворачиваем?

– Да. – Вера свернула налево – в переулочек. До здания ГУ МВД РФ по МО оставалось пара минут ходу. – Что ж. – она остановилась. – Спасибо Вам большое, Иван, но я уже пришла. Дальше меня можно не провожать.

– Уже? – улыбка сползла с лица Ивана. – Как жаль. Чертовски жаль! Ну, хорошо! – он пересилил себя. – Тешу себя призрачной надеждой, что когда-нибудь увижу Вас снова. Хотя, понимаю – вероятность такого события призрачна. – У Ивана слегка кривились губы – от досады или обиды.

– Да, вероятность маленькая, – согласилась Вера. – Уж Вы-то, как программист, а следовательно, и математик должны это знать. С другой стороны, Вы ведь часто бываете в Москве, значит, она – вероятность – все равно выше нуля. До свидания!

Вера повернулась и быстро пошла вдоль переулка. В голове было пусто – почти ни одной мысли. Нет, мысль была – примерное такая: «Этот МЧ – Иван, в общем, ничего. Довольно симпатичный и говорит грамотно. В нем чувствуется университетское образование. И раскованность присутствует, и уверенность в себе. И, кажется, у него действительно есть деньги. И про меня он точно ничего не знает – уж я бы увидела, если бы было по-другому. Да и не может знать – программисты, как известно, телевизор не смотрят и о сериальных кинодидах ничего не знают. Так что могла бы, наверное, принять предложение галантного незнакомца».

– Могла – не могла, – Вера привычно (уже привычно!) предъявила удостоверение депутата вышедшему навстречу дежурному офицеру (в чине капитана полиции) и осведомилась, ждет ли ее генерал. Капитан вежливо попросил минуту на размышление (и Вера так же вежливо согласилась), метнулся в застекленную будку и через минуту доложил: «Генерал ждет и попросил лично сопроводить Веру до своего кабинета». Так что он – капитан – полностью в распоряжении Веры.

Глава третья. Рабочий день как он есть

Генерал был весьма радушен, и Вера осталась очень довольна встречей. Они проболтали почти полтора часа, причем говорили совершенно не о делах, а обсуждали в основном общих знакомых. В присутствии Веры генерал расслабился, разомлел и сбросил с себя официоз – несмотря на утро. Странно, но беседа захватила обоих, и расстались они уже почти друзьями. Ну, если не друзьями, то знакомыми, у которых – куча общих знакомых.

«Демьян будет доволен, – резюмировала Вера, выходя из здания МВД и направляясь к «постоянному месту работы». – Особенно тем обстоятельством, что я теперь могу в любой момент позвонить генералу лично. Он это целых три раза сказал. В общем, имеем всё, что хотели».

Вера поежилась – прямо в лицо дул пронзительный ветер, поднимающий с асфальта мелкую снежную крошку. Пришлось зажмуриться и помотать головой:

– Вот ведь мерзость. И как, скажите на милость, не завидовать Ирке, которая куда там едет? На Мальдивы или на Бали? Или в Мали?

«Не могу сказать, что всю жизнь мечтала о Мальдивах, каким-то образом всеобщее помешательство меня лично обошло стороной. Как правило, для отдыха я предпочитаю более экскурсионные направления, вроде Латинской Америки или Южной Европы.

Когда в турагентстве мне предложили мальдивский отель бла-бла-бла, то возникли сомнения – не станет ли мне скучно, ведь жизнь на острове размером 500 на 120 метров – штука специфическая. Казалось, что выдержу только пару-тройку дней, а что делать с остальными пятью?

Уже после моего путешествия я поняла, что на Мальдивы нужно настроиться, одним словом, Мальдивы – это состояние души и тела, которое выражается в полном отсутствии суматохи, проблем и гаджетов.

Мальдивы – это место, окруженное ярким свечением безмятежности и покоя, одабривающее всех отдыхающих аурой счастья, полнейшего релакса и чувством удовлетворенности.

Это было небольшое эмоциональное вступление, поговорим о важных составляющих...»

Вера вспомнила, как недавно ехала домой после напряженного рабочего дня и читала блоги. И одна продвинутая блоггерша как раз описывала, как она побывала на Мальдивах, и как ее от этого распирает – вот уже целых полгода. Основной лейтмотив – там так круто, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Вот не могу понять, – пробурчала Вера вполголоса, накидывая капюшон (меховой и гламурный). – Какой прикол служить депутатом, если не можешь в любой момент взять отпуск и рвануть на острова? Типа, нужно работать, а отдыхать на каникулах, которые положены для депутатов!

Под ударами ледяного ветра было очень неудобно, и видение голубых прозрачных океанских волн, накатывающих на золотой песчаный берег, преследовало Веру до самого входа в здание Государственной Думы.

В холле, как всегда, шумела толпа. Репортеры с аппаратурой, гости, тусовочные дамы и мальчишки на побегушках, многочисленные помощники депутатов и курьеры, водители, представители иностранных делегаций и т. д., и т. д. Вера прошла по специальному коридору, предназначенному для депутатов, и оказалась в тишине рабочих думских коридоров.

Персональный Верин кабинет располагался на третьем этаже. Нижний этаж и невысокий статус, зато сам кабинет – очень уютный и уже обставленный в соответствии с предпочтениями хозяйки. Возле окна – стол с креслом, рядом с входом – мягкий кожаный диван и чайный

(кофейный) уголок. Парочка кресел, огромный телевизор на стене, куча всякой аппаратуры – компьютер, копировальный аппарат и т. п.

Вера открыла дверь и первым делом с размаху швырнула сумку на диван – «достала меня эта тяжесть!». Включила кофемашину – пусть греется – и села в кресло смотреть электронную почту. Писем со вчерашнего дня накопилось прилично, и их придется изучать – выбирая и сортируя по важности.

Зазвонил телефон на столе.

– Алло! – Вера почти с ненавистью посмотрел на телефонную трубку, но все равно взяла. – Слушаю.

– Вера Станиславовна, здравствуйте. Это Павел. – звонил один из четырех помощников Веры (назначенец Высоковского, само собой). – Демьян Лукич просил узнать, как Ваша утренняя встреча? И еще – он просил передать, если у Вас есть время, не могли бы Вы заехать к нему сегодня вечером на студию. Если нужно, он пришлет машину.

– Хорошо. Машина не нужна, воспользуюсь служебной. Передай Демьяну, что встреча прошла успешно, вечером обсудим. – Коротко бросила Вера в трубку и отключилась. И тут же снова была вынуждена отвечать на звонок. Рабочий день депутата Государственной Думы начался...

* * *

На заседании Комитета было невыносимо скучно. Так скучно, что Вера еле-еле удерживалась, чтобы не зевать во весь рот. Она, конечно, делала умный вид, сидела и кивала с серьезным лицом и даже пыталась иногда вставить правильное лыко в строку, но отчаянно желала, чтобы пытка заседанием быстрее закончилась.

Юридическая казуистика, извергаемая из уст продвинутых депутатов, кажется, могла сокрушить даже стены – своей чугунной незыблемостью. Станные слова зависали в воздухе надутыми гелием аэростатами, пытаясь заодно проникнуть в мозг и процарапать в мозге (навсегда) новую юридическую борозду. И, наверное, даже не одну борозду, а целое поле.

«Я на солнышке сижу,
Я на солнышко гляжу,
Все сижу и сижу

И на солнышко гляжу», – за прошедшие полтора часа Вера раз двадцать мысленно повторила слова из песенки Черепахи из известного мультика, и незамысловатый мотивчик, как ни странно, действовал. И Вера мужественно держалась – аккуратно до обеденного перерыва (святого для депутатского корпуса).

Ровно в 13-00 руководитель кабинета тяжело откинулся на Председательском Кресле (огромном, кожаном, простеганном, итальянском) и радостно возвестил, что следующее заседание состоится ровно через неделю, и желательно, чтобы все присутствовали. А сейчас он не смеет никого задерживать – сам спешит откусать, чем бог послал (вернее тем, что налогоплательщики послали).

В этот день бог послал депутатам всё. В смысле, всё, что можно купить за деньги, включая блюда кулинарного haute couture. В здании ГД было несколько ресторанов и столовых, и выбор, куда пойти обедать, зависел исключительно от платежеспособности конкретного депутата.

После заседания комитета Вера чувствовала себя как выжатый лимон – она испытывала сильную потребность подкрепиться и восстановить силы перед предстоящим долгим сидением в сессионном зале. Потому что только кажется, что сидеть в мягком кресле и слушать тот бред, что несут выступающие, это несложно. На самом деле от подобного времяпрепровождения

натурально хочется застрелиться, а уж что касается фокусировки внимания на нужном – так ее, фокусировки, просто нет.

Заскочив на несколько минут в кабинет, Вера привела себя в более-менее приличный вид – благо, ее навыку в области нанесения косметики мог позавидовать не один дипломированный стилист. А с обновленной косметикой и с осознанием собственной привлекательности и на мир смотришь по-другому – и воспринимаешь искомый мир тоже по-другому. Радостней, чище и перспективней.

– Пойду, пожалуй, на пятый этаж. Там – отличный греческий салат и стейки из лосося, – решила Вера и направилась из кабинета к лифту, по пути перекинувшись несколькими ничего не значащими фразами с депутатом из ее фракции. Депутат имел вид весьма помятый, и – несмотря на едкий запах дорожущего одеколона, которого он, судя по всему, вылил на себя полведра – от депутата явственно несло водочным перегаром (посидел вчера на славу). Но и с такими тоже нужно говорить – как-никак, коллеги по работе.

Звякнул звонок лифта, двери разошлись, запуская Веру внутрь. В лифте она была одна, что свидетельствовало – депутаты, все как один, налегают на рагу, салаты, компоты и пирожные. Все, кроме того самого – который, судя по всему, на еду даже смотреть не может.

В ресторане, что выбрала Вера, и в самом деле были заняты почти все столики. И Вера даже решила немного подождать, пока станет свободнее. Сначала она присела в глубокое кожаное кресло в холле, но потом встала и пошла гулять по коридорам – благо, размеры здания Государственной Думы позволяли заниматься пешим фитнесом: от одного поворота до другого – добрых метров сто.

– Мне, наверное, следует купить себе специальный приборчик, что измеряет количество шагов, пройденное расстояние, пульс, давление и другие параметры, – размышляла Вера, рассеянно водя головой по сторонам. Рассеянно – ведь на что смотреть-то? На таблички на дверях? – А то с такой нервной и сидячей работой я выйду из стен Госдумы с огромной задницей и припадочным тиком, от которого мужчины будут шарахаться в сторону. А мне ведь еще замуж выходить. И желательно рожать, и желательно – хотя бы два раза. Мальчика и девочку.

– А вот мне интересно, – Вера повернула за угол и пошла вдоль по коридору (похожему на предыдущий, как две капли воды). – Почему сейчас детские коляски, и где их лучше покупать? Нужно ознакомиться с этим вопросом – вдруг пригодится. И если бы еще в придачу к коляскам достойных мужей выдавали – вот бы было отлично.

Вера представила, как заходит в специализированный магазин, и ей навстречу выбегает шустрый менеджер:

– *Здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать! Чего изволите-с? У нас есть всё, что пожелаете!*

– *Я хочу посмотреть детские коляски. Какие есть?*

– *О! У нас масса колясок, начиная от самых дешевых и заканчивая самыми дорогими и статусными. Нашими колясками уставлено полтора гектара торговых площадей, и Вам обязательно потребуется сопровождающий, чтобы не потеряться в их статичном море.*

– *Спасибо, спасибо. Так я могу начать осмотр?*

– *Конечно. Я с удовольствием составлю Вам компанию. Не сомневаюсь, Ваш муж будет очень доволен Вашим выбором.*

– *У меня нет мужа, к сожалению. А, может, к счастью – я еще не определилась до конца.*

– *Нет мужа? Так это же замечательно! Простите, я хотел сказать «замечательно», имея в виду, что в нашем супермаркете Вы можете выбрать себе мужа на любой вкус и по любым заранее обусловленным показателям. Вы каких мужей предпочитаете? Высоких, среднего роста или плотных кряжистых?*

– *Пожалуй, высоких.*

- Отлично, ставим галочку. Плотных, средней полноты или худых?
- Наверное, лучше худых. Набрать вес ведь он всегда успеет?
- Логично, логично. Ставим вторую галочку. Идем далее. Муж должен быть полностью худым – с руками, ногами и лицом, или можно ограничиться только худобой торса, а руки-ноги-лицо оставить нормальной толщины?
- А что, можно выбирать по отдельности?
- Ну, конечно. Наш магазин – магазин класса *lux*, и мы имеем возможность предоставить нашим клиентам полный ассортимент. Я скажу даже больше – можно не только ноги-руки-лицо определить толстыми-нормальными-худыми, можно выбирать из целой линейки мужей, подбирая максимально гармоничных и подходящих лично Вам. Изволите взглянуть-с?
- Постойте, а они красивые?
- Обязательно.
- Все красивые?
- Именно. Они все красивые, они все образованные с высоким уровнем интеллекта, они все имеют высшее образование, начитаны, разбираются в изобразительном искусстве и моде, все они отлично умеют готовить и получают истинное удовольствие от ведения домашнего хозяйства.
- Ну, надо же! А я и не знала, что Вы предоставляете такие услуги. И что – подбор мужей пользуется популярностью?
- Честно? Подбор мужей настолько востребован, что мы даже испытываем некоторые (правда, легкие, легчайшие) затруднения с кандидатами. В пиковые часы распродаж кандидатов иногда не хватает на всех, и дамы даже – о ужас! – пару раз устраивали кулачные бои за обладание тем или иным экземпляром. Последний кулачный бой был особенно ожесточенным – и немудрено, ведь на продажу был выставлен высокий привлекательный блондин со всеми навыками по классу *superior* и со всеми удобствами. Т. е. с семикомнатной квартирой в престижном районе столицы и с большим домом в пятнадцати километрах от МКАД.
- Ужас какой! Хотя, наверное, блондин того стоил – чтобы друг дружку за космы таскать.
- Именно, стоил. Скажу Вам по великому-великому секрету: за блондина бились не только дамы. Несколько очень-очень состоятельных господ также изъявили желание приобрести его в собственность, а мы, как Вы понимаете, не разделяем покупателей по гендерному признаку. В плане приобретения мужей господа имеют такие же права, как и дамы. Тем более господа часто оставляют щедрые чаевые (в смысле, дополнительные комиссионные) скромным менеджерам торгового зала типа меня. Я, кстати, могу рассчитывать на комиссионные, если подберу для Вас вариант «пальчики оближешь»?..
- Вариант «пальчики оближешь» мне бы очень пригодился, – Вера дошла до конца коридора и повернула назад.
- Судя по часам, место в выбранном ею ресторане уже освободилось, и так на поверку и оказалось. Свободных мест было много.
- Впрочем, уединиться Вере, как она изначально рассчитывала, не получилось. Ее увидел знакомый Зам. руководителя Комитета по Бюджету и Налогам и решил поболтать.
- Верочка, привет! – он быстро перебрался к Вере за столик (прихватив кофе и блюдо с пирожным). Зама звали Денис Александрович, и ему было 42 года. – Как юристы, как служба? Наверное, замучили тебя до невозможности?
- Не то слово, – Вера быстро перелистала меню, убеждаясь – цены не изменились, и прейскурант блюд не изменился. – Иногда на заседаниях у меня возникает чувство, словно я общаюсь с марсианами, и они разговаривают на своем особом марсианском языке. Недоступном пониманию землян.

– Согласен, – весело хохотнул Денис Александрович. – Тоска, юридическая казуистика, переходящая в маразм. Вот то ли дело у нас – конкретика, бабло гремит, министерства и ведомства рвут друг друга на части, пытаясь перетянуть финансовое одеяло на себя. А мы в центре процесса. Красота. И общаемся так, что всем понятно. Но это лирика, ты же понимаешь, художественный треп, который можно не воспринимать всерьез.

– Само собой, – Вера сделала заказ подскочившему официанту и переключила всё внимание на зама. Денис Александрович был не последним человеком в обойме Партии Власти, игнорировать его не стоило. – А на самом деле, ваша работа – ответственна и очень, очень трудоемка. И требует высокого профессионализма, что бы там ни выдавали на гора борзописцы.

– Именно, – зам мгновенно раздулся, как рыба-шар. – Вот бы их – искомым борзописцев – да на наше место. Чтоб пахали, как Стаханов в забое. Чтоб познали, что такое уезжать с работы в час ночи, приезжать в шесть утра, трудиться и выходные, и в праздничные дни.

«Да, да. Тебя послушать, так ты – Гагарин, Ляпидевский и Отто Юльевич Шмидт в одном флаконе, – думала Вера (но при этом лучезарно улыбаясь и строя глазки заму). – Если верить слухам, которые бродят в кулуарах, ты вообще на работе не появляешься, а если и появляешься, всю дорогу сидишь в ресторане – примерное как сейчас».

– Да если хочешь знать, – Денис Александрович все больше и больше распалялся и уже перешел на митинговую словесную чечетку (или на телевизионный полит-рэп нон стоп), – мы там в комитете почти не едим, почти не пьем. И особенно, когда работаем над бюджетом, а над бюджетом мы работаем триста шестьдесят пять дней в году и двадцать четыре часа в сутки. Хочешь, могу доказать!

– Не надо, не надо, – Вера бодро замахала руками. – Лучше расскажи (они с Денисом Александровичем были на «ты») последние новости, у тебя ведь всегда самая свежая информация.

– Верно, верно! – зам хорохористо подкрутил усы – они у него были натурально «буденовскими», пышными и кустистыми. – Информация у меня – первоклассная, как-никак, я – фигура, и фигура весьма заметная. Последнее событие дня: все обсуждают новые часы первого зама Жириновского. Больше миллиона долларов – не хухры-мухры! Что по мне, так это явно перебор. В такое беспокойное и кризисное время нечего раздражать народ излишними бриллиантами. Скромнее нужно жить, скромнее. Не «Бентли», а «Мерседесы», не норковые шубы, а песцовые, не алмазные броши, а рубиновые. Или вовсе из малахита. А что? Отличный поделочный камень – из шкатулки. Помнишь «Малахитовую шкатулку» Бажова? Так вот – отличный камень, видный, броский и экономный. И бюджет не разоряет, и отдельно не разоряет бюджет опять же отдельно взятой семьи.

– Кстати, – Денис Александрович полез во внутренний карман пиджака. – Хочу, Верочка, тебе похвастаться. Я вчера стал полноценным Доктором Политических Наук с правом ношения Специального Докторского значка. Вот он – погляди.

– Ух ты! – Вера заученно (и очень естественно, что говорит о высоком профессионализме) похлопала глазками. – Дай посмотреть! Никогда не думала, что у Докторов Наук есть специальный значок.

– Вот-вот. – Денис Александрович с выражением полного превосходства в интеллектуальной области перед собеседницей протянул Вере значок. – Ты посмотри, какой красивый. С гербом, лавровыми листьями и соответственной надписью, сообщающей всем, с кем они имеют дело. И вот еще. По случаю присуждения мне степени я сегодня вечером устраиваю небольшой сейшн в ресторане. Тут недалеко. Ты приглашена, имей в виду.

– Спасибо. – Вера приняла из рук зама значок, мысленно кляня этого надутого индюка на трех языках – русском, английском и немецком (английские и немецкие ругательства были ей знакомы). – Мне очень приятно, и я обязательно приду. («Чтоб ты сдох, тварь, со своей вече-

ринкой! Опять придется изображать веселье и строить из себя беззаботную депутатшу-тусовщицу!»)

– Ну, я на тебя рассчитываю. – Денис Александрович шутливо погрозил Вере пальчиком. – Нам без красивых дам никак нельзя, у нас с этим строго. Думаю, что моя помощница уже отправила тебе адрес по электронной почте. Так что имей в виду и готовься...

* * *

«Уважаемая Вера Станиславовна!»

Информирую Вас, что сегодня состоится мероприятие по случаю...

Лично и сердечно приглашаю Вас принять участие в мероприятии по случаю...

Рассчитываю на Ваше участие в мероприятии по случаю...

Если Вы не сможете прибыть на мероприятие по случаю..., мне будет очень грустно...

Ваш любезный Денис Александрович...»

– Вот ведь! – Вера снова выругалась по-немецки – только теперь уже вслух. Первым делом, вернувшись к себе в кабинет, она проверила почту и действительно обнаружила письмо с вышеозначенным текстом. – Что ж, приходится констатировать: отвертеться вряд ли получится. И нужно еще думать о подарке – или о каком-нибудь знаке внимания, заменяющем подарок. С другой стороны, а зачем? Пусть ему фракция дарит, если что сброшусь деньгами согласно установленному тарифу.

– Да, так и сделаю, – Вера решительно качнула головой, но на всякий случай набрала в поисковике Интернета: «Подарок доктору наук». В ответ вывалилось несколько предложений заказать деревянную рамку для диплома с подложкой из бархата или именное удостоверение – красной кожи.

– Да, с фантазией у ребят туговато, – констатировала Вера и переключила внимание на насущные вопросы. Перед вечерним заседанием Госдумы оставалось еще сорок минут, и их следовало потратить с умом...

Весь «ум» Веры в итоге ушел на то, чтобы перечитать ее предстоящее выступление перед депутатами по вопросу о «Юридическом сопровождении сделок с недвижимостью в Nn-ой редакции». И, кстати, немудрено, что ум ушел именно весь – от такой юридической казуистики не только ум должен был уйти, но мозги в целом (в том числе и спинные) должны были встать в неудобную, неудобоваримую позицию. Но Вере и в этот раз повезло – выдержала.

А чтобы компенсировать потерянную энергию, Вера вынула из ящика стола одну из своих любимых книг – «О становлении династии новорусских коммунистов» – и перечитала отрывок, повествующий о выступлении Ивана Ивановича Капитонова:

*...Плешивый депутат мандату рад!
Плешивый депутат – лощеный гад!
Депутата плешивого никто не любит –
Он плешив, спесив и ограничен на людях!*

*Посмотрите на него –
Надутый, как шар,
От таких, как он,
Исходит власти поганый угар –*

*Удушливый и мракобесный!
Убить Плешивого – изгнать беса!
Убить морально!
Чтобы жил нормальной
Жизнью половой,
А не какой-нибудь жизнью анальной,
Как паскудный в страсти
Европеец гормонально-голубой!*

Иван Иванович долго не мог подобрать рифму к слову «половой», но когда справился, победно вскинул руки вверх, чем немедленно привлек внимание спикера, который и решил дать ему слово.

– Слово предоставляется Капитонову Ивану Ивановичу. Вы не записаны в прениях, но с другой стороны, свежая идея нам не мешает. Что вы можете сказать о сути вопроса?

– Гм, гм! – Иван Иванович вышел к микрофону, судорожно пытаясь вспомнить, о чем сейчас шла речь. И хорошо, что в думе предусмотрен суфлер – специально, чтобы не попасть впросак при обсуждении важных законодательных инициатив. В свое время Иван Иванович был одним из тех, кто настоял на учреждении такой штатной единицы, а то, понимаешь, какой может выйти конфуз, если не будешь знать, о чем говорить!

По немного растерянному лицу лидера большевиков суфлер сразу понял, что тот совершенно не в теме, и выкинул плакат, на котором было написано: «Обсуждение вопроса о пользе длиннорунного овцеводства на равнинах Забайкалья в условиях долгой сибирской зимы. Пункт второй – льготы производителям, отменять или снижать НДС до 10 %, а также вводить ли подушевой сбор с каждой овцы в размере 1.25 рублей с каждого килограмма живого веса в год»

– Ээээ! Касательно сути вопроса. Здесь до меня некоторые ораторы пытались завуалировать и извратить суть. А все потому, что давно утратили связь с реальностью. Вот скажите мне, причем здесь овцы, когда трудовой народ стонет под мелкобуржуазным игом насосавшихся народной крови толстых опоссумов? А? – Иван Иванович быстро сориентировался, вымуштрованный суфлер – великая вещь.

– Прежде чем отвечать на любой из поставленных вопросов, необходимо решить проблему в корне – дать народному хозяйству возможность надыхаться полной грудью, искоренить воровство, мздоимство на всех без исключения уровнях, а только потом перейти непосредственно к овцам.

Кстати, о них, горемычных. Когда я сравниваю овцу от отечественного куцега производителя с какой-нибудь шерстяной австралийской (тому примерам недавно скончавшийся меринос по кличке «Шрек», который носил на себе два центнера шерсти на протяжении нескольких лет), у меня волосы встают дыбом от ужаса, уважаемые товарищи, а также совсем неуважаемые капиталистические бонзы – ныне депутаты. Почему? Да потому что вы и ваши ставленники (я имею в виду именно капиталистов) разворовали, разрушили и надломили государственную собственность, создававшуюся годами, десятилетиями и столетиями, создававшуюся не вами, но вами оскверненную.

Из зала послышались отдельные протестующие крики, переросшие в громкий гомон. Иван Иванович презрительно смотрел на смутьянов – он понимал, в предпоследний день работы связываться с вице-лидером коммунистов никто особого желания не имеет (себе дороже может выйти), поэтому просто ждал, когда гомон затихнет.

– Иван Иванович, говорите, пожалуйста, о сути вопроса! У вас – пять минут. – Дождавшись тишины, председатель решил напомнить о регламенте.

– Этого хватит. Так вот, меринос – отличная овца, шерсть дает мягкую, нить прочную и жаккард крепкий, что твой кирпич. – Иван Иванович налил в стакан воды и залпом

выпил. Потом повторил – в горле полегчало. – Поэтому я вас спрашиваю, почему в какой-то занюханной австралийской дыре он водится, а у нас помирает, хоть бейся над ним, хоть вой? Молчите? Скованно и робко себя чувствуете под пронзительным вопрошающим взором? Так вот, я вам отвечаю.

Иван Иванович отступил на пару шагов, снял с плеч пиджак от Энцо Д'Орси стоимостью двенадцать тысяч евро (в комплект входили и брюки – всего за четыре с половиной тысячи, что для такой марки вполне демократично).

– Вот вишивый пиджачок! Вы спросите, что в нем особенного? Да ничего. Он, также как и многие другие, исполнен из комбинированной шерсти австралийских и новозеландских мериносов – исполнен обычным портным, обычными ножницами и сантиметром, зажатым в зубах, чтоб не мешал работать. А почему я его ношу? Почему не ношу наш отечественный, хотя всей душой хотел бы поддержать родного производителя – например, Ивановские швейные фабрики? Ответ прост.

Иван Иванович снова надел пиджак и чинно поправил микрофон. В этот раз его никто не перебивал – всем было интересно, и интерес витал поверх голов депутатов.

– А не ношу потому – потому что искомые фабрики принадлежат купленным Западом коммерсантам, и они выводят все заработанные средства за границу, приобретают там дома и прочую недвижимость с видами на озеро Комо и ни копейки, ни рубля не вкладывают в обновление основных фондов, в закупки нового оборудования, в оплату труда сотрудников и передовиков. Поэтому не происходит притока кадров, не происходит развития технологий, поэтому молодые и перспективные не идут на производство, а пытаются выучиться на менеджеров и валютных проституток, чтоб только ноги раздвигать или задницы просиживать перед монитором.

– Господин Капитонов! Утихомирьтесь! И закругляйтесь, пожалуйста! – председатель выбрал удобный момент и вклинился в пламенный монолог Ивана Ивановича. – У Вас осталась одна минута.

– Я не господин, я товарищ! – Иван Иванович гневно взглянул на председателя и продолжил. – Так вот, производства хиреют, швейные машины ржавеют, а сырье разворовывается. И бедные униженные рабочие, чтобы хоть как-то прожить, вынуждены доворовывать всё, что еще не утащил хозяин-фабрикант. Им некогда повышать производительность труда, некогда думать о дизайне и качественном пошиве – им бы детей прокормить, день продержаться да ночь простоять. Поэтому я и вынужден таскать вот это заграничное барахло, а не нормальный отечественный костюм, который вскоре совсем прикажет долго жить – вместе с так и не расплодившимися у нас мериносами и пастухами.

– Ваше время истекло! – председатель натянул на лицо зловерное выражение и отключил микрофон. Иван Иванович его не любил – председатель был как раз из фабрикантов и капиталистов, поэтому любить его было не за что.

– Ладно, бог с ним, – Иван Иванович сел на место, достал из кармана газету и закрылся ею от очередного участвующего в прениях депутата. Слушать его бред было тоскливо, поэтому Иван Иванович нашел глазами кроссворд и принялся с удовольствием его разгадывать. Газета называлась «Красный пахарь-партизан», курировал ее лично Рабочев, поэтому вся последняя страница была отдана под кроссворды, ребусы, загадки, поучительные поговорки и смешные анекдоты – специально по личной просьбе Ивана Иванович, чтоб было чем коротать будни на работе...

Вера громко захлопнула книжку, почти рыдая от смеха и представляя эдакого экс-лидера фракции в сессионном зале. А из-под обложки на нее с характерным ленинским прищуром смотрел Иван Иванович Капитонов – олицетворение отечественного парламентаризма...

Глава четвертая. Неожиданное продолжение

Что может быть тоскливее званого ужина, устроенного депутатом Государственной Думы РФ во славу самого себя? Огласим короткий перечень:

- лекция по трансцендентной психологии, в которой ты ничего не понимаешь (и даже не стараешься понять),
- заседание престарелых любителей вафельных трубочек с кремом, организованное Фондом Помощи Престарелым Интеллигентам,
- чтение подробной методички по настройке транзисторного приемника образца 1968 года,
- расчесывание кота после купания (после того, как он, зараза, пролил на себя пакет кефира, пытаясь достать из открытого им холодильника, подло открытого, кусок вкусной сырокопченой колбасы). Но расчесывание, по крайней мере, приятно...

Впрочем, впрочем, с котом мы, может быть, погорячились. Что отнюдь не отрицает того факта, что Вера шла на званый ужин от Дениса Александровича с тяжелым предвкушением бесполезно потраченного времени. Она совершенно точно представляла, что там будет:

- хвалебные речи,
- хвалебные тосты,
- хвалебные признания в любви,
- хвалебные пожелания удачи и перспектив,
- хвалебные отзывы – в общем, всё хвалебное, потому что иначе и быть не может. Не предусмотрено форматом.

«Интересно, сколько в ресторане будет человек? – Вера заранее прикинула степень соотношения «крутизны» фигуранта и его жадности и решила: человек на сорок-пятьдесят он раскрутится. Больше вряд ли – слишком дорого, меньше – тоже вряд ли, поскольку, а пафос-то куда девать?»

Так в итоге и оказалось. На вечеринке было сорок два человека, а к концу вечеринки подошел еще один. Этим еще одним оказался давешний утренний знакомый Веры – Иван.

Вера в это время пила «отходной» кофе и уже собиралась уходить. Она пробыла на вечеринке уже более двух часов – так что смело можно ретироваться, тем более хвалебных речей в адрес Дениса Александровича она наслушалась с избытком – вот-вот, и перебор. Вера, конечно, тоже была вынуждена толкнуть цветистую речь – и даже осталась ею довольна, хотя речь была целиком и полностью фальшивой.

«Спасибо Демьяну! – после произнесения речи Вера, пригубив шампанского, села на место. – Он прекрасно подготовил меня к роли депутата. Здесь актерское мастерство, мастерство перевоплощения намного важнее, чем любые профессиональные знания, относящиеся непосредственно к законотворчеству».

«Актер должен всегда обладать подсознательным ощущением границы между собой и образом. Истинный смысл знаменитой формулы Станиславского – ставить самого себя в предлагаемые обстоятельства роли и идти в работе над ролью «от себя» – может быть раскрыт лишь в свете глубокого понимания диалектической природы актерского искусства, в основе которого лежит единство противоположностей актера-образа и актера-творца.

Нет, в сущности, никакой несообразности в двух на первый взгляд несовместимых требованиях Станиславского, а именно:

- чтобы актер оставался на сцене самим собой,
- и чтобы он в то же время перевоплощался в образ.

Это противоречие диалектическое. Стать другим, оставаясь самим собой, – вот формула, которая выражает диалектику творческого перевоплощения актера в полном соответствии с учением К.С. Станиславского.

*Реализация только одной части этой формулы еще не создает подлинного искусства. Если актер становится другим, но при этом перестает быть самим собой, получается не **аигрыш**, внешнее изображение, – органического перевоплощения не происходит. Если же актер только остается самим собой и не становится другим, искусство актера сводится к тому самопоказыванию, против которого так протестовал Станиславский. Нужно совместить оба требования: и стать другим и остаться самим собой.*

Необходимо, чтобы на протяжении всей работы над ролью актер чувствовал внутреннее право говорить о себе в качестве действующего лица не в третьем лице – «он», – а в первом лице – «я». Актер должен постоянно сохранять то внутреннее самочувствие, которое Станиславский определял формулой: «Я есть».

Нельзя ни на минуту терять на сцене самого себя и отрывать создаваемый образ от своей собственной органической природы, ибо материалом для создания образа и служит как раз живая человеческая личность самого актера. Можно сделать сценический образ механически, искусственно, средствами театра представления, но как бы мастерски ни был сделан такой образ, в нем не будет дыхания подлинной жизни, аромата истинного творчества. Вот почему Станиславский настаивал на том, чтобы актер в процессе работы над ролью, накапливая в себе внутренние и внешние качества образа, становясь постепенно другим и, наконец, полностью перевоплощаясь в образ, постоянно проверял себя с той точки зрения, остается ли он при этом самим собой или нет.

*Процесс перевоплощения протекает органически и не превращается в не **аигрыш** или внешнее изображение только тогда, когда актер, находясь на сцене, может каждую секунду сказать о самом себе: это я. Из своих действий, чувств, мыслей, из своего тела и голоса актер должен создать заданный ему образ. Таков истинный смысл формулы К.С. Станиславского «идти от себя», практическое претворение которой ведет к органическому перевоплощению в образ.*

Итак, пять основных принципов системы К.С. Станиславского, на которые должно опираться профессиональное (сценическое) воспитание актера:

- 1. Принцип жизненной правды;*
- 2. Принцип идейной активности искусства, нашедший свое выражение в учении о сверхзадаче;*
- 3. Принцип, утверждающий действие в качестве возбудителя сценических переживаний и основного материала в актерском искусстве;*
- 4. Принцип органичности творчества актера;*
- 5. Принцип творческого перевоплощения актер в образ.*

Заканчивая характеристику системы К.С. Станиславского, следует отметить универсальный и всеобщий ее характер. Актер хорошо играет только в тех случаях, когда его игра подчиняется естественным, органическим законам актерского творчества, коренящимся в самой природе человека. Игра больших, талантливых актеров всегда стихийно подчинялась и подчиняется этим законам.

Это происходило и тогда, когда не существовало не только системы Станиславского, но и самого Константина Сергеевича. Так как система – не что иное, как практическое учение о природных органических законах творчества, следовательно, когда бы актер ни играл (если он играет хорошо, то есть убедительно, искренне, заразительно), он непременно играет «по системе Станиславского». Независимо от того, сознает он это или не сознает, действует преднамеренно или же стихийно...»

Сценическим мастерством (согласно системе Станиславского) Вера владела превосходно – что не раз выручало ее при общении с нужными людьми.

«Нужные люди» частенько были рафинированными напыщенными фанфаронами, страдающими нарциссизмом, или туповатыми держимордами (или «интеллектуалами», считающими свое мнение единственно правильным), так что общаться с ними – никакого удовольствия. Но Вера представляла себя просто в роли и чувствовала себя очень легко и непринужденно. Но бывали и такие моменты, когда «играть роль» совсем не хотелось.

Одним из таких моментов стало внезапное появление Ивана в ресторане. Вера разглядела его первой – ее столик находился в глубине зала, и она видела, как он идет от входа. Сначала ей показалось, что она ошибается. Но нет. Иван собственной персоной – нарядный и веселый.

– О! Какие люди! – громогласно поприветствовал нового гостя хозяин вечера и препроводил его за столик для полупочётных гостей (все столики распределялись таким образом: «почётный», «полупочётные» – 2 штуки и «обыкновенные», за одним из которых и сидела Вера). – Позвольте вам представить: наш уважаемый гость из регионов – Иван Сергеевич Тургенев. Шучу-шучу. Иван Сергеевич Золотников, что соответствует его внутренней сущности – золотой души человек, хотя и еще очень молод. Мой хороший приятель и надежная опора при решении деловых вопросов. Прошу любить и жаловать – но сначала штрафная. Штрафная. И тост.

– Конечно! – Иван Сергеевич с готовностью схватил протянутую ему рюмку водки и процитировал по памяти (т. е. не заглядывая в заранее подготовленный текст):

За звание твое я пью
И пожелать тебе хочу
Работы легкой и удачи,
Иметь огромнейшую дачу!

Чтоб в гору шли твои дела,
За это выпью я до дна,
Чтоб уважали и ценили,
Чтоб за спиной не говорили!

А если говорили, то только хорошее,
Только приятное,
Выпьем за доктора –
Нашего Дениса Александровича!

– Молодец! Молодец! – в ответ на тост разгоряченная спиртными напитками политическая братия захлопала в ладоши (в том числе и VIPы), не обратив внимания на явные изъяны в тексте. – А теперь садись, пей, ешь, чувствуй себя как дома. – Денис Александрович усадил гостя и оставил его одного – дескать, и без тебя дел невпроворот.

Вера наблюдала за всем этим действием с изрядной долей иронии. А заодно и прикидывала: что ей делать – уйти по-английски, не привлекая к себе внимание? Или вспомнить об их утренней встрече (и о том, с каким сожалением Иван с ней расставался) и дать ему еще один шанс? А заодно и самой развлечься – но только чур. Секретно и вдалеке (очень вдалеке) от любопытствующих глаз. В итоге она решила – пусть идет, как идет, лично она ничего конкретного предпринимать не будет – пускай кто-то свыше решает. Если есть там кто-то свыше.

Приняв решение, Вера почувствовала – она действует правильно. Несмотря на сомнения, которые начал тут же генерировать ее мысленный диалог – вспомнив когда-то очень любимую Верой песню Максима Леонидова:

«Где-то далеко летят поезда,
Самолеты сбиваются с пути...
Если он уйдет – это навсегда,
Так что просто не дай ему уйти.

Я довольно молодой Бог.
И, возможно, у меня опыта нет,
Но, девочка моя, я помочь тебе бы мог
И пролить на жизнь твою солнечный свет.
Ни минутки у тебя нет,
На работе перерыв – всего ничего.
Но ты напудришь нос, выйдешь на обед
И за столиком кафе ты встретишь его.

Где-то далеко летят поезда,
Самолеты сбиваются с пути...
Если он уйдет – это навсегда,
Так что просто не дай ему уйти.

Отчего же ты молчишь вдруг?
Посмотри в его глаза и не робей.
Сколько долгих лет замыкал я этот круг,
Это я его привел на встречу к тебе.
Я привел его из тех стран,
Где затоптаны в песок осколки мечты.
Он прошел сквозь лес, через океан,
Он, конечно, одинок, так же как ты.

Где-то далеко летят поезда,
Самолеты сбиваются с пути...
Если он уйдет – это навсегда,
Так что просто не дай ему уйти»

– Песня, конечно, отличная, – Вера снова взглянула на Ивана (тот рьяно орудовал вилкой и ножом, и с расстояния казалось: благоговейно «ел» глазами Дениса Александровича). – Но у меня совершенно не тот случай, что описан в тексте. У меня все гораздо лучше, и этот мальчик – точно такой же, как и все. Просто еще одна моя слабость, оформленная через жалость к самой себе. Поэтому спокойствие и снова спокойствие – расслабься Вера и собирайся на выход!

И Вера стала собираться – не тормозя, но и особо не торопясь. Перво-наперво она вызвала водителя: ему нужно было примерное минут двадцать, чтобы прибыть по вызову, учитывая пробки и запутанные развязки в центре. Далее – Вера прошла в ближайшую дамскую комнату – лишний раз убедиться: косметика – на уровне, и лицо притягивает мужские взгляды, как и положено. Третье – Вера расплатилась с официантом (на званом вечере каждый платил сам за себя). Всё! Можно на выход.

Она прошла мимо Ивана (тот как раз ковырялся в тарелке), мазнув его взглядом. На долю мгновения ей захотелось остановиться и поздороваться с ним – но нет. Пусть с ним первыми девушки с Тверской заговаривают!

Услужливый швейцар на выходе накинул на плечи Веры шубку (в отличие от «Националя», здесь ничего платить не пришлось), Вера с полминуты покрасовалась перед зеркалом и весело (ну, или почти весело) выпорхнула на свободу – к машине, которая отвезет ее домой...

– Вера, Вера! – сзади громко хлопнула дверь, и Вера услышала возбужденный голос Ивана. – Вы ли это, мое чудесное виденье?

– Ах! – Вера театрально замерла, всем видом изображая удивление. Вид получился что надо – и пусть Иван не сомневается: Вера заинтригована внезапным явлением героя на сцене. – Это Вы! Вот ведь сюрприз! Вы как здесь?

– Меня пригласили, – Иван поежился под легким пиджаком – погода (снегодождь вкупе с непрекращающимся порывистым ветром – тот еще свирепый коктейльчик!) диктовала свои условия. – Вот уж действительно сюрприз. Сюрприз, что и Вы здесь. А я Вас заметил в самую последнюю секунду, причем некоторое время думал – Вы ли это. И решил на всякий случай проверить – и не ошибся! И вот что я Вам скажу: если Вы свободны, я Вас просто так – без чая и кофе и разговоров по душам – сегодня никуда не отпущу. Хватит с меня и утреннего разочарования!

– А что? Было какое-то разочарование, Иван? – Вера нацепила на лицо непонимающее выражение. – В смысле, когда мы расстались, вроде, все было хорошо. Что-то случилось?

– Вера, Вера! – Иван выразительно выгнул шею (как матадор в ожидании племенного бычка, или как племенной бык – в ожидании разрешения атаковать матадора). – Вы же понимаете, о чем я говорю. Я уже думал, что больше никогда Вас не увижу – а ведь мне кажется, мы только-только начали общаться. Я и даже разглядел в Вас родственную душу.

«Складно поет! – Вера внутренне боролась сама с собой. Ее заинтересованность в вечерних посиделках с Иваном все еще не умерла, но сомнения (как же без сомнений?) тоже имели место быть. – Он всем новым знакомым рассказывает подобные басни – про родственную душу? И, кстати, а утром он мне об этом говорил или нет? Я уже точно и не помню».

– И как же она выглядит, родственная душа? – Вера улыбнулась. – Кстати, Иван, если Вы не желаете подхватить воспаление легких, Вам бы следовало одеться. Или Вы – морж?

– Нет, не морж, – Иван скривился. – Обещайте, что Вы меня подождете здесь, Вера! Для меня это очень важно. Я – миготом. Обещаете?

– Хорошо, – Вера кивнула. – Но только именно один миг. В крайнем случае – два мига. Не больше.

– Отлично, – просиял Иван и рванул в ресторан. Вера воспользовалась паузой, набрала телефон водителя и велела ему ехать домой. Она логично рассудила, что нечего так долго (непонятно, сколько именно) держать машину при себе. Кроме того, нечего, чтобы лишняя пара глаз наблюдала за ней и Иваном (меньше сплетен – различных и разных!). А домой она доберется на такси – нет проблем. Вызовет специальное «дамское» – оно как раз и существует для подобных случаев: безопасно и комфортно.

Только она закончила разговор, вернулся Иван. Немного идиотская (впрочем, нет – широкая, радостная) улыбка освещала его лицо, и не было никакого сомнения – улыбка связана с Верой.

– Куда двинем? – первым делом спросил Иван. – Вера, перед нами сегодня открыты все двери. Выбирайте. Хотите в самый лучший ресторан?

– В ресторан? – Вера презрительно хмыкнула. – А что там делать? Кажется, мы только что вышли из ресторана. При необходимости можно вернуться назад и насладиться разнообразной кухней.

– Да, да, конечно, – Иван прикусил губу. – Я что-то не то сморозил, каюсь. Тогда куда?

– Может быть, в музей? Или в театр? Вы как, Иван? Любите ходить по театрам? Я когда-то любила, но уже давно не была. К тому же мы в центре, а здесь концентрация театров на один квадратный километр выше, чем в любой мировой столице. Одно плохо – время. – Вера

посмотрела на часы. – Уже половина девятого, а, насколько мне известно, вечерний сеанс – в 20-00. Так что с театрами, похоже, у нас не получается.

– А как насчет музеев? – Иван вопросительно (почти просительно) посмотрел на Веру. – Наверное, тоже уже поздно?

– Да, вероятно. – Вера покачала головой. – Сегодня у нас явно не «Ночь пожирателей музеев» – или как она там называется? Так что у нас остается только прогулка по вечерней Москве. Пойдем, куда глаза глядят?..

Глава пятая. Неожиданное предложение

По звонку будильника Вера привычно перекатилась на бок и свесила ноги на пол. А потом уже открыла глаза – примерное на полпути к ванной. Предыдущий вечер выдался очень насыщенным и закончился около трех часов ночи.

Вера впервые испробовала на себе, что такое квест. Квест – в смысле реальная ролевая игра с реальными людьми и реальным местом действия. Вернее, несколькими местами действия.

«Что такое «Московский квест»?»

ЭТО РОЛЕВАЯ ИГРА

Московский квест – это уникальное шоу, объединяющее в себе черты иммерсивного театра, квеста и ролевой игры. Вас ждет захватывающее двухчасовое приключение в мире, пережившем глобальную катастрофу.

Вы попадете в постапокалиптический город, где можете исследовать пространство, взаимодействовать с живыми персонажами, выполнять игровые миссии, примерять на себя новые неожиданные роли. Пройдите путь от бесславного бродяги до полноценного гражданина. Докажите свою благонадежность и получите визу в Москву будущего!

ЭТО УНИКАЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Игроки в «Московский квест» обладают свободой выбора. Подчиняться законам тоталитарного общества или бороться за свободу? Объединиться в команду или действовать в личных интересах? Идти напролом или стратегически обдумывать каждое свое действие? Стать двойным агентом или до конца сохранить верность одной из враждующих фракций? Проявить все свои героические качества или остаться безмолвным наблюдателем? Решать вам! Но помните, что каждый ваш поступок будет иметь непредсказуемые и далеко идущие последствия.

ЭТО ТЕАТР БУДУЩЕГО

«Московский квест» развивает концепцию иммерсивного променад-театра, в котором зрители имеют возможность свободно перемещаться в пределах сложного арт-пространства, взаимодействовать с актерами и влиять на развитие событий.

«Московский квест» полностью стирает барьеры между актерами и зрителями, сценой и зрительным залом, игровыми условностями и реальной жизнью. Таким образом, каждый игрок становится главным действующим лицом собственной уникальной истории, которая больше никогда и ни с кем не повторится...»

Идея влиться в стройные возбужденные ряды «квестовиков» родилась с одной стороны спонтанно, с другой – исходя из логики предыдущей мизансцены. Конкретнее – в ресторан идти Вера наотрез отказывалась, кино смотреть не хотела, спектакли уже все начались, и погода разбушевалась не на шутку, поэтому о долгой прогулке и речи быть не могло.

Они прошли по Тверской – минут пятнадцать – и Вера почувствовала: она замерзает. На ней была теплая короткая шубка с капюшоном, модная меховая шапочка и брючки из тонкой дорогой английской шерсти (плюс, само-собой, блузка, жакет и т. д.) – всё очень круто и достойно, но совершенно не приспособлено сопротивляться русской зиме.

– Нет, так дело не пойдет! – Вера решительно остановилась напротив знаменитого «Мак-Дональда» – того самого, что был открыт первым в СССР, и того самого, куда народ стоял

часами в очереди, чтобы отведать американских невкусных бургеров. – Прогулка отменяется, очень уж холодно.

– Как отменяется? – опешил Иван. – Ты хочешь сказать, что уже пора расставаться? (к тому времени они уже перешли на «ты»).

– Вероятно, – Вера пожала плечами. – С другой стороны, лиха беда – начало, телефонами мы уже обменялись, так что можно будет пересечься на следующей неделе, например. Ну, или через две недели – мы ведь никуда не торопимся.

– Через неделю меня не будет в Москве. – Иван насупился. – И я, Вера, с таким раскладом не согласен.

– Тогда предлагай альтернативы, а я пока – с твоего позволения – зайду внутрь, выпью кофе. Уж больно замерзла.

В «МакДональдсе» было тепло и уютно. И народа совсем немного. Вера взяла кофе (Иван – чай) и молча наблюдала, как ее спутник шерстит Интернет в поисках легальных вечерних (ночных) развлечений. Честно говоря, она сомневалась, что он найдет что-то путное – но вдруг?

И Иван нашел.

– Ага! – он просиял. – Вот оно. Думаю, тебе понравится. Я пару раз участвовал – очень круто. Там все услуги, поверь. И даже тачку могут за нами прислать, чтобы доставить на объект. Поедем?

* * *

– Действительно, было интересно, – лежа в ванной, Вера вспомнила свои ощущения от участия в квесте. – И даже, я бы сказала, интригующе. И мне даже иногда казалось, что всё вокруг меня – настоящее, чего, конечно, никогда не происходит, если играешь в игрушку на компьютере. И Иван показал себя вполне мужчиной – по крайней мере, там, где требовалась грубая мужская сила и мужская решительность.

...Для прохождения квеста они переоделись. В уютных комнатах с душевыми и чистым накрахмаленным бельем, плюс с наличием сейфов, куда Вера упаковала все ценные вещи. А администратор квеста принес (чуть ли не на крови) клятву – насчет того, что с ценными вещами ничего не случится, и они останутся в целостности и сохранности.

Вера надела на себя костюм в стиле «гламурного милитари», который, конечно, был в первую очередь гламурным, а потом уже «милитари». Костюмчик весьма аппетитно подчеркивал прелести и изгибы ее фигуры, и поначалу она даже сомневалась – стоит ли в таком выходить на квест. Вдруг у Ивана так снесет крышу, что он не сможет удержаться и попытается овладеть Верой прямо в ангаре (именно в ангаре, оставшемся от крупного авиационного предприятия, действо и происходило)? Но при здравом размышлении Вера решила: ничего страшного. Это будет для Ивана проверкой. Устоит – не устоит? Выдюжит – не выдюжит? А если выдюжит, то как рьяно будет пожирать Веру глазами? Страстно или не очень?

Забегая вперед, скажем, что Иван выдюжил – хотя (и Вера это видела) такая стойкость далась ему нелегко. Сам он, кстати, был одет безо всякого гламура – но с максимальной брутальностью: кожа, многочисленные разгрузки, бутафорское помповое ружье (по типу пейнтбольного), обоймы с боеприпасами (пейнтбольными), бутафорский пистолет ТТ (снова пейнтбольный), бандана, крутые темные очки, берцы – как говорится, «все дела». Ни дать, ни взять – отечественный образчик голливудского Рэмбо (или по крайней мере – типаж Рэмбо в представлении хозяина крупной IT-фирмы, который хочет поразить воображение красивой девушки).

Увидев Ивана, Вера громко прыснула – она сразу вспомнила шуточное наставление «Как впечатлить девушку», что читала на досуге (вечером просматривала Интернет и обнаружила). В наставлении в том числе было:

– мимоходом вставляй в свою речь фразы, которые заставят ее поверить, что ты не так прост. Например. «Во время моей работы над седьмым скрипичным концертом...», «Таких убытков наш род не нес с эпохи Ивана Грозного...», «... и тут, прикинь, заходит мой дворецкий...», «Как раз перед тем, как принять участие в шестидневном велосипедном кроссе...»;

– вози в машине диски Сибелиуса, «Раммштайн», хора им. Г. Веревки, Ани Лорак и песни к мультфильму «Крокодил Гена и Чебурашка». На вопрос девушки, что это такое, отвечай, что все это – твоя любимая музыка;

– отправляясь в клуб или на вечеринку, положи в карман какую-нибудь мелкую пушистую фигню (живую) с глазами. Обнаружив симпатичную барышню, вручи ей животное со словами: «А вот он очень хочет с Вами познакомиться». Сказать «нет» плюшевому зайцу сможет только абсолютно жестокосердая женщина без чувства юмора, а тебе, так и так, подобная девушка ни к чему;

– в ресторане спроси у официанта, подают ли у них *Potage poireaux et rommes de terre* и *Salad d'Endives Noix et Roquefort*? Особенно неожиданно это прозвучит в каком-нибудь заведении с китайской или армянской кухней;

– объясняйся только гекзаметром. «Что ты делаешь вечером этим, подруга моя, расскажи-ка?» «Если свободна, так, может, отправимся в бар мы?» «Чести подобной доньне еще не стяжал я, несчастный...»;

– если она, вежливо пытаясь поддерживать разговор на интересующие мужчин темы, спросит, за какую футбольную команду ты болеешь, ответь, что за угандийскую «Виллу»;

– спроси ее как-нибудь: «А кто у нас сейчас президент?» Когда она, изумленно на тебя поглядев, ответит кто, покачай головой и скажи: «Ну, надо же, какая забавная фамилия!»;

– покажи ей свои рентгеновские снимки. Попутно объясняй: «Здесь мне 10 лет» или «А это я на выпускном»;

– скажи ей, что никогда не смотрел «Иронию судьбы, или С легким паром!». И «17 мгновений весны» – тоже;

– назови ее именем что-нибудь. Если звезду не получится, то хотя бы файл, с которым ты сейчас работаешь в Word'e. Расскажи ей об этом;

– отказывайся ходить на фильмы «Детям до 18-ти». Покраснев, признайся, что тебе всего 17;

– четыре часа ночи – это лучшее время, чтобы позвонить барышне и прочитать ей прекрасный стих Николая Гумилева про озеро Чад, на котором бродит таинственный жираф. Завершив декламацию, отключи телефон до утра;

– если ты ждешь ее визита, пускай она застанет тебя за твоим излюбленным занятием – составлением икебаны, лепкой из глины, чеканкой или попыткой вдохнуть жизнь в созданного тобой гомункулуса;

– в ресторане, после того как вы поели, сам убери посуду и помой ее. Объясни свой поступок старой холостяцкой привычкой;

– завяжи ей глаза, возьми за руку и долго води за собой по путаному маршруту. В конце пути, когда она уже будет сгорать от нетерпения, остановись и разреши ей снять повязку. За мгновение до этого также нацепи себе на глаза платок. На вопрос: «Где это мы?», разведи руками: «Не знаю, я и сам не видел, куда мы шли!»...

...Из расслабленных воспоминаний Веру вырвал звонок мобильного телефона.

– Вот, черт! – от неожиданности Вера даже дернулась и несколько секунд размышляла: стоит реагировать или не стоит? Но телефон не умолкал, так что пришлось Вере с громкими ругательствами выбраться из ванной и ответить. Абонентом оказался Высоковский – никто другой не позвонил бы Вере в такую рань. Ну, разве что родители – в случае уж очень большой необходимости.

– Я надеюсь, ты уже не спишь? – голос Демьяна звучал весьма иронично. – А если спишь, то пора вставать и заниматься делами. Какие планы на сегодня?

– Планов громадье. – Вера усилием воли заставила себя ответить ровно и благожелательно. – Собиралась на работу – заниматься текучкой. У нас есть тема для обсуждения?

– Именно. Весьма приличная тема, и я приглашаю тебя ко мне в студию. Прямо сейчас. И желательно побыстрее. Уважишь старика?

* * *

– Как жизнь молодецкая? – Высоковский встретил Веру и тут же велел готовить утренний кофе – позабористее. – Замуж еще не собралась?

– Да нет пока. – Вера кинула сумку на стол и уселась напротив Демьяна. – И намека нет на замужество, и даже жениха пока не подобрала. Был один потенциальный, но потом соскочил. Вы же знаете.

– Еще бы. Я даже с ним знаком. И отца его знаю отлично. Но, кстати, кто тот молодой человек, в компании которого ты сегодня ночью участвовала в квесте? Расскажешь как-нибудь?

– Да так. – Вера покраснела. – Ничего особенного, проходняк. Он из Сибири, у него, вроде, крупная компьютерная фирма, здесь в Москве по делам. Но откуда Вы знаете?

– Шпионы, у меня везде шпионы. – Высоковский принял из рук помощницы кофе и закурил. – Мало того, я уже навел об этом Иване справки, и оказалось – человек с приличными деньгами, и папа у него весьма богат и уважаем. Везет тебе на сыночков олигархов – ты прямо их притягиваешь. Может, у тебя есть какой-нибудь особенный секрет? Если есть – поделись, буду очень благодарен.

– И что? – Вера удивленно наморщила лоб – возможности Демьяна получать информацию были действительно грандиозными. – У него на самом деле столько денег, сколько он пытается изобразить?

– Ну, Верочка. Я не знаю, о каких суммах он тебе рассказывал. Но отец – целый губернатор! Причем губернатор в фаворе, назначен Первым и имеет с Первым прямую связь. И пока что ничего не говорит о том, что его скинут. Может, имеет смысл совершить попытку номер два?

– Да... Попытку номер два. – Вера саркастически скривила губки. – В очередной раз убедиться, что маменькины-папенькины сыночки с деньгами ничего и никого, кроме самих себя, не замечают? Потратить несколько лет на бессмысленные ожидания, которые в итоге закончатся ничем?

– Зря ты так. – Высоковский помахал рукой, разгоняя сигарный дым. – Все же ты не сравнивай свое теперешнее положение и статус и прошлое свое положение и отсутствие всякого статуса и перспектив. Сейчас ты – очень, очень завидная невеста, и сыночек губернатора – не факт, что тебе пара. Ты уже – фигура федерального уровня, не забывай этого. И, кстати, если наше новое дельце выгорит, можешь стать очень обеспеченной особой. Я о нем – о дельце – и собирался с тобой поговорить.

– Интересно! – Вера, наконец дождавшаяся и своего кофе (она заказала специальный – многослойный, требующий вдумчивого приготовления), быстро прикинула: Высоковский, наверняка, хочет использовать ее по максимуму. Вот только на каких условиях?

– Еще бы не интересно. – Демьян громко чмокнул губами, изображая удовольствие. – В двух словах: положение с экономикой знаешь сейчас какое?

– Знаю, положение – не очень. Денег нет, но вы держитесь – как говорит одна известная политическая фигура. Рынок падает, ВВП падает – и всё такое.

– Именно. Именно. – Констатация бедственного положения в экономике вызвала у Высоковского отнюдь не сожаление, а приступ оптимизма. – Рынок падает, падают цены на активы, и их можно купить по дешевке. Чтобы потом дожидаться стабилизации положения и роста цен до адекватного уровня.

– Например, какие активы?

– Например, земля. Или склады, недостроенные дома, недостроенные многоуровневые гаражи, недостроенные торговые центры. Сейчас, Верочка, есть куча объектов, которые сбрасываются намного ниже себестоимости. Масса инвесторов пребывает в состоянии банкротства, они горят желанием избавиться от неликвида, чтобы получить хоть какие-то реальные деньги. Сейчас, как говорится, не до жиру, быть бы живу! Что скажешь?

– Не знаю. – Вера пожала плечами. – Идея ясна, как божий день, и я думаю: искомой идеей с удовольствием воспользуется любой – если будет знать, какие объекты приобретать, и где взять на это деньги.

– Вот именно, вот именно. – Демьян энергично тер ладони. – Главное в твоём спиче – «знать, какие объекты приобретать». Мусора на рынке много, ещё больше – мошенников, что пытаются впарить лагу честным людям, у которых ещё осталась валюта. Но серьёзные господа потому и считаются серьёзными, что имеют возможность получать адекватную информацию. Как, например, по твоему новому знакомому Ивану – я её получил очень быстро.

– Очень быстро – не то слово. Мгновенно, я бы сказала. – Вставила Вера лыко в строку. Как комплимент. – И у Вас, судя по всему, уже есть полная информация по объектам. И я даже не удивлюсь, если есть информация о развитии отечественной экономики. Скоро с нас санкции снимут?

– Не, не скоро. – Высоковский затушил сигару в пепельнице и полез за следующей. Ему явно требовался дополнительный никотин, чтобы с утра мозги ворочались лучше. – Формально санкции останутся на неопределённое время, но ими будут пользоваться избирательно. А бизнес – как вода. Он всегда и везде найдёт дырочку, чтобы просочиться. Если есть возможность заработать деньги, бизнес их обязательно заработает. В этом направлении и будут развиваться наши отношения: формально – воюем, неформально – договариваемся. Так что скоро, очень скоро ситуация изменится в лучшую сторону – серьёзные люди в это верят и этого ждут.

– Да уж! – Вера поморщилась, глотнув едкого дыма от сигары Высоковского. – Ну, а Вы то как, Демьян Лукич? Разделяете подобную уверенность?

– Само собой. И не только разделяю, я её буквально чувствую – уверенность витает в воздухе, осталось только воплотить её в звонкую монету. Отсюда и необходимость вкладываться, пока не поздно. Если протормозим, опоздаем на поезд, потом локти будем кусать. Для справки тебе: список вкусных объектов уже составлен, деньги под них уже выделены, и твоя доля за участие – три процента. В процентах это, может быть, выглядит немного, но в абсолютном исчислении речь идёт о пятнадцати миллионах долларов чистой прибыли только за первые три года. Впечатляет?

– Нифига себе! – громко выдохнула Вера, а потом закашлялась. – Демьян Лукич, не пугайте меня такой суммой! Мне уже страшно становится. И в чём же, позвольте спросить, заключается моя работа за такие-то деньжищи?

– Посредничество. Ты займёшься посредничеством. Т. е. наведением правильных контактов и пробиванием правильных решений. Ты – публичная фигура и станешь нашим тараном, как депутат Государственной Думы. Ну и, кроме того, нам потребуются связи в силовом блоке, а у тебя уже имеется опыт по установлению контактов с генералами. В общем, ты в доле, поэтому нужно начинать работать.

– Можно подумать, без меня у серьёзных людей нет связей в силовом блоке! – фыркнула Вера (она все ещё не могла прийти в себя от услышанного). – Да я уверена, у вас, Демьян Лукич, половина генералов в кармане.

– Что ж, – Высоковский, не скрывая самодовольства, откинулся на спинку кресла. – Ты права, но серьезные люди не хотят светиться. А тебе сам бог велел, и никаких вопросов не возникнет. И, кстати, если уж совсем говорить начистоту, в список серьезных людей входит и твой общий знакомый – отец Степана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.